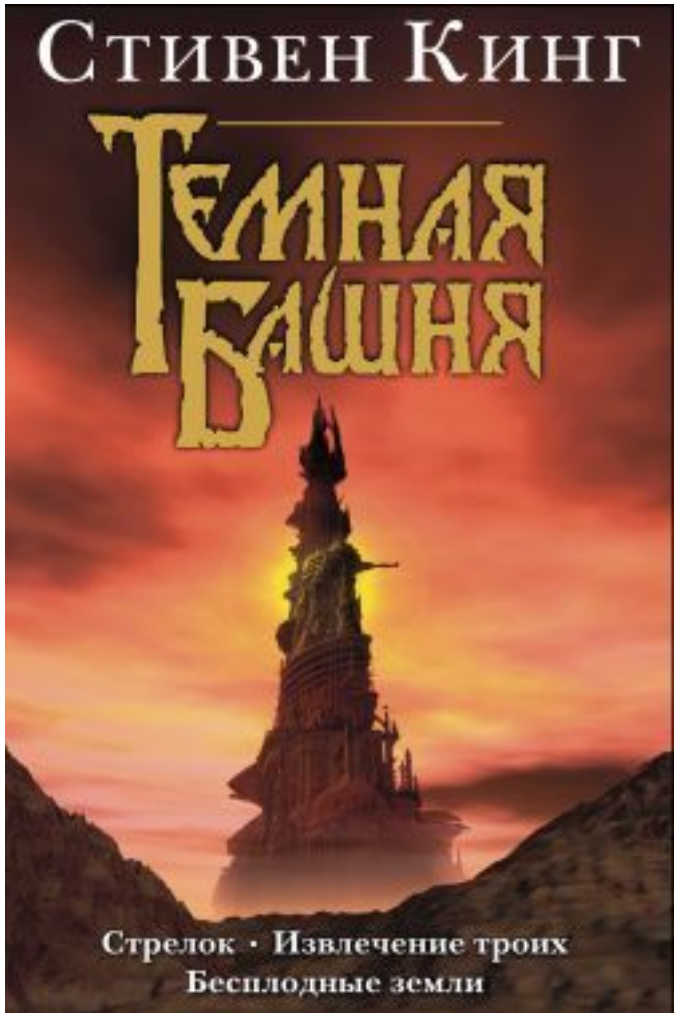

СТИВЕН КИНГ

ТЕМНАЯ
БАШНЯ

Стрелок · Извлечение троих
Бесплодные земли

Стивен Кинг
Извлечение троих
Серия «Темная Башня», книга 2

Текст предоставлен издательством «АСТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122202

Стивен Кинг. Стрелок. Извлечение троих. Бесплодные земли:

АСТ, АСТ Москва; Москва; 2005

ISBN 5-17-033697-7, 5-9713-0699-5, 985-13-6512-2

Оригинал: StephenKing, "The Drawing of the Three."

Перевод:

Татьяна Юрьевна Покидаева

Аннотация

Юный Роланд – последний благородный рыцарь в мире, «сдвинувшемся с места». Ему во что бы то ни стало нужно найти Темную Башню – средоточие Силы, краеугольный камень мироздания. Когда-нибудь он отыщет эту башню, а пока ему предстоит долгий и опасный путь – путь по миру, которым правит черная магия, по миру, из которого порой открываются двери в нашу реальность...

Содержание

Предисловие автора	6
Пролог	10
Узник	22
Глава 1	22
1	22
2	23
3	31
4	33
5	41
6	43
Глава 2	47
1	47
2	50
3	56
4	58
5	59
6	60
7	67
8	70
9	71
10	75
11	77
12	78

Глава 3

1	80
2	83
3	86
4	89
5	91
6	92
7	92
8	94
9	99
10	103
11	103
12	103
13	107
14	111
15	115
16	117
17	120
18	125

Глава 4

1	129
2	138
3	147
4	148
5	154
6	158

Стивен Кинг

Извлечение троих

Дону Гранту, который на свой страх и риск издает эти романы один за другим.

Предисловие автора

«Извлечение троих» – второй том длинной истории под названием «Темная Башня», истории, навеянной и до некоторой степени основанной на поэме Роберта Браунинга «Чайлд Роланд к Темной Башне пришел»¹, которая, в свою очередь, восходит к «Королю Лиру».

В первом томе, «Стрелок», повествуется о том, как Роланд, последний стрелок из мира, который «сдвинулся с места», наконец настигает человека в черном... одного колдуна, за которым он гонится очень давно – мы даже не знаем сколько. Человек в черном оказывается тем самым Уолтером, который одно время прикидывался большим другом отца Роланда. Это было тогда, когда мир еще оставался прежним.

Цель Роланда – не этот получеловек. Его цель –

¹ В переводе на русский язык В. Давиденковой строка звучит так: «Роланд до Замка Черного дошел». – Примеч. ред.

Темная Башня. Человек в черном, а точнее, то, что он *знает*, – первый шаг Роланда на пути к этому таинственному месту.

Кто же такой Роланд? Каким был его мир до того, как он «сдвинулся с места»? Что это за Башня и почему он стремится к ней? Ответы есть, но только отрывочные. Роланд – стрелок, своего рода рыцарь, один из тех, кому вверено хранить мир, который, как помнит его Роланд, «был исполнен любви и света», и беречь этот мир, не давая ему сдвигаться.

Мы знаем, что Роланду пришлось пройти обряд инициации много раньше разумных сроков после того, как он обнаружил, что его мать стала любовницей Мартена, чернокнижника, искушенного в колдовском искусстве гораздо больше Уолтера (который втайне от отца Роланда был в сговоре с Мартеном); мы знаем, что Мартен специально подстроил так, чтобы Роланд узнал о его связи с матерью, в надежде, что тот не выдержит испытания и будет «изгнан на Запад», то есть навсегда станет отверженным; мы знаем, что Роланд с честью прошел боевое крещение.

А что мы знаем еще? Что мир стрелка в чем-то очень напоминает наш. В нем сохранились остатки цивилизации, мало чем отличающейся от нашей: бензоколонки, например, и некоторые песни (да хотя бы «Эй, Джуд» или кусочек одной нескладушки, которая

начинается со слов «Бобы, бобы, нет музыкальной еды»), а некоторые обычаи и ритуалы как-то уж слишком похожи на наши несколько романтизированные представления о Диком Западе.

И есть еще одна зацепка, странным образом соединяющая мир стрелка с нашим. На дорожной станции у давно заброшенного проезжего тракта в необозримой безжизненной пустыне Роланду встречается мальчик по имени Джейк, который *умер* в нашем мире. На самом деле его убили: вездесущий (и не знающий жалости) человек в черном столкнул его с тротуара на проезжую часть. Джейк тогда шагал в школу с портфелем в одной руке и пакетом с завтраком в другой. Последнее, что он запомнил о своем мире – о *нашем* мире, – это то, как его давят колеса громадного «кадиллака»... и как он умирает.

Незадолго до последней встречи с человеком в черном Джейк погибает снова... на этот раз потому, что стрелок, второй раз в жизни поставленный перед неумолимым выбором, все-таки предпочитает пожертвовать мальчиком, который в символическом плане стал ему сыном. Когда пришлось выбирать между Башней и ребенком, быть может, между проклятием и спасением, Роланд выбрал Башню.

– Тогда идите, – сказал ему Джейк перед тем, как сорваться в пропасть. – Есть и другие миры, кроме

этого.

Последнее столкновение Роланда и Уолтера происходит на пыльной голгофе истлевающих костей. Человек в черном гадает Роланду на картах Таро. Карты показывают мужчину – Узника, женщину – Госпожу Теней и темную тень, именуемую просто Смерть («Но не твоя, стрелок», – говорит ему человек в черном). В настоящем томе как раз и рассказывается о том, как сбывались эти предсказания... о втором шаге Роланда на долгом и трудном пути к Темной Башне.

Том первый – «Стрелок» – заканчивается на том, что Роланд сидит на берегу Западного моря и глядит на закат. Человек в черном мертв. Будущее видится стрелку смутно. «Извлечение троих» начинается на том же самом берегу, часов семь спустя.

Пролог

Моряк

Стрелок пробудился от сумбурного сна, состоявшего, кажется, из одного-единственного образа: Моряка из колоды карт Таро, по которым человек в черном предсказывал (или лишь делал вид, что предсказывает) стрелку его горестное будущее.

«Он тонет, стрелок, – говорил человек в черном, – и никто не бросит ему веревку. Мальчик Джейк».

Но это был не кошмар, а хороший сон. Хороший, потому что во сне тонул он сам, а это значит, что он был не Роландом, а Джейком, и потому чувствовал несказанное облегчение: лучше уж утонуть, как Джейк, чем жить, как живет он – человек, ради какой-то холодной мечты предавший ребенка, который ему доверял.

Хорошо. Замечательно. Я тону, думал он, прислушиваясь к реву моря. *Пусть я утону.* Но то был не глас разверстых глубин, а скрежет волн о горловину прибрежных камней. *Действительно ли он моряк? А если так, то почему тогда суша так близко? А в самом деле, разве он не на твердой земле? Впечатление было такое, как будто...*

Ледяная вода окатила его сапоги, поднялась по но-

гам до самого паха. Он резко открыл глаза, но вовсе не его замерзшие яйца, которые съежились вдруг до размеров, как ему показалось, грецких орехов, вырвали стрелка из сна и даже не ужас, которым так и полыхнуло справа, но мысль о его револьверах... его револьверах и, что важнее, патронах. Намокшие револьверы еще можно быстро разобрать, вытереть насухо, смазать как следует, опять вытереть, повторно смазать и снова собрать; сырые же патроны, как и подмокшие спички, могут еще сгодиться, а могут и нет.

Ужасом веяло от некой ползучей твари, которую, вероятно, вынесло на берег волной. Она с трудом волочила по песку свое мокрое блестящее тело более четырех футов в длину. На расстоянии четырех ярдов справа от стрелка. Странное существо пялилось на Роланда своими глазками на стебельках, потом раскрыло длинный зазубренный, как пила, клюв и принялось издавать какие-то звуки, до жути похожие на человеческую речь: исполненные печали, даже отчаяния вопросы на чужом языке.

– *Дид-а-чик? Дум-а-чум? Дад-а-чам? Дед-а-чек?*

Стрелку доводилось видеть омаров. Это был не омар, но из всех странных существ, ему известных, пожалуй, только омар имел с этим созданием хотя бы отдаленное сходство. И похоже, оно нисколько его не боялось. Стрелок не представлял, опасно оно или нет.

Его совсем не волновала путаница в голове, то есть его временная неспособность вспомнить, где он и как сюда попал, на самом ли деле догнал человека в черном или ему это только приснилось. Но одно он знал твердо: нужно выбраться из воды, пока не промокли патроны.

Вдруг он услышал дробный, нарастающий рев воды и, отвернувшись от странного существа (оно замерло на месте, подняло клешни, при помощи которых и волочилось по суше, и напоминало теперь боксера в открытой стойке, которая называется, как учил их Корт, стойкой чести), поглядел на вспененную полосу прилива.

Оно слышит волну, подумал стрелок. *Я не знаю, что это за тварь такая, но уши у нее есть.* Он попытался встать, но затекшие ноги сразу же подогнулись под ним.

Я все еще сплю, подумал он, но даже в таком помутненном состоянии ума мысль эта была слишком уж соблазнительной, чтобы оказаться правдой. Он еще раз попытался встать, и ему это почти удалось, но потом ноги опять подкосились. Волна надвигалась. На третью попытку времени не оставалось. Придется ему взять пример с этой твари справа и передвигаться таким же способом: отталкиваясь руками, он отполз по гальке подалее от волны.

Ему не удалось полностью спастись от нее, но все же цели своей он достиг. Волне достались только его сапоги. Вода добралась почти до колен, а потом отступила. *Может, и первая тоже была не такой большой, как я думал. Может...*

В небе висел полукруг луны, затянутый туманной дымкой, но все-таки сквозь нее пробивалось достаточно света, чтобы стрелок разглядел, что его кобуры подозрительно потемнели. Револьверы уж точно намокли. Пока еще невозможно было определить, насколько сильно пострадало оружие и не намокли ли и патроны тоже в барабанах и в патронташе. Сначала нужно убраться подальше от волн, а потом уже можно и проверять. Сначала нужно...

– *Дод-а-чок?*

На этот раз звук раздался гораздо ближе. Озабоченный только тем, как бы не намочить патроны, стрелок совершенно забыл о создании, которое вынес прилив. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что оно теперь всего-то в четырех футах. Вонзая клешни в песок, перемешанный с галькой и ракушками, оно подползало все ближе. Мясистое членистое тело приподнялось, тут же напомнив стрелку скорпиона, однако Роланд не разглядел на хвосте жала.

Еще один скрежещущий рокот прибоя, на этот раз громче. Существо снова застыло на месте и подняло

клевши в своей вариации стойки чести.

Эта волна была больше прежних. Роланд снова пополз вверх по пологому прибрежному склону и только оперся руками для первого толчка, как существо рванулось к нему со скоростью, которой никак нельзя было от него ожидать, судя по предыдущим тяжеловесным движениям.

Стрелок ощутил яркую вспышку боли в правой руке, но сейчас не было времени на размышления. Он оттолкнулся каблуками своих промокших сапог, подтянулся на руках и сумел-таки опередить волну.

– *Дид-а-чик?* – вопрошало чудовище своим жалобным (*Почему ты не хочешь помочь мне? Ты разве не видишь, что я в отчаянии?*) голоском.

Существо бросилось на него снова, и Роланд лишь теперь увидел, как его указательный и средний пальцы целиком исчезают в зазубренном клюве, и едва успел отдернуть кровоточащую правую руку, спасая оставшиеся три пальца.

– *Дум-а-чум? Дад-а-чам?*

Стрелок, пошатываясь, поднялся. Чудовище пропороло клешней штанину его насквозь промокших джинсов, разодрало сапог из старой и мягкой, но крепкой, не хуже железа, кожи и вырвало у него из икры кусок мяса.

Он потянулся правой рукой к кобуре, и только когда

револьвер упал на песок, Роланд сообразил, что для этого старого как мир смертоносного движения ему не хватает двух пальцев.

Чудище жадно набросилось на револьвер.

– Нет, сволочь! – прорычал Роланд и пнул тварь ногой. С тем же успехом он мог бы пинать и какой-нибудь валун... который вдобавок еще и кусается. Чудовище отхватило носок его правого сапога, а вместе с ним – почти весь большой палец и стянуло сапог с ноги.

Стрелок нагнулся, поднял револьвер, уронил его, грязно выругался, но в конце концов справился с ним. То, что он прежде делал играючи, не утруждая себя даже тем, чтобы задумываться об этом, вдруг оказалось сложнейшим трюком вроде жонглирования.

Тварь трепала сапог стрелка, разрывая его на части и бормоча свои невнятные вопросы. Волна накачивала на берег, пена на ее гребне казалась мертвенно-бледной в пробивающемся сквозь сито туманной пелены свете полумесяца. Омарообразная гадина прекратила терзать сапог и подняла клешни в боксерской стойке.

Левой рукой Роланд вытащил второй револьвер и трижды нажал на спусковой крючок. *Чик-чик-чик.*

По крайней мере теперь все ясно с патронами в барабанах.

Он сунул левый револьвер в кобуру. Чтобы убрать

правый, ему пришлось левой рукой повернуть его стволом вниз и только потом отпустить, чтобы он сам встал на место. Кровь испачкала вытертые деревянные рукояти; пятна крови алели на кобуре и на поношенных джинсах там, где кобура соприкасалась с тканью. Кровь хлестала из двух обрубков, на месте которых совсем недавно были два пальца.

Онемение в ногах еще не прошло, и боль в искалеченной правой ступне практически не чувствовалась, зато рука полыхала ревушим огнем. Призраки искусных, натренированных пальцев, что разлагались теперь в желудочных соках в утробе твари, как будто вопили о том, что они еще здесь, на руке, и что им невыносимо больно.

Кажется, у меня назревают большие проблемы, отстраненно подумал стрелок.

Волна отступила. Чудище опустило клешни, пропорол очередную дыру в сапоге стрелка, но потом передумало, резонно решив, что владелец сапога гораздо вкуснее старого куска кожи, которую он неким таинственным образом сбросил.

– *Дум-а-чум?* – спросило оно и рванулось к стрелку с ужасающей скоростью. Стрелок отступил, почти не чувствуя под собой ног. Только теперь ему пришло в голову, что это создание наделено каким-то разумом. Оно приблизилось к нему, быть может, проделав

немалый путь вдоль берега, приблизилось осторожно, потому что не знало, что он такое и на что способен. Если бы волна прилива не разбудила Роланда, эта тварь содрала бы кожу с его лица, пока он спал и видел сны. А сейчас существо уже выяснило, что он не только приятен на вкус, но еще и уязвим: легкая добыча.

Она уже настигала его – тварь длиной в четыре фута и высотой в один, которая вполне могла весить фунтов семьдесят. Такая же целеустремленная и откровенно хищная, как и сокол Давид, тот, что был у стрелка еще в его детские годы, только без Давидовых смутных признаков преданности.

Каблуком сапога стрелок зацепился за выступающий из песка камень и едва не упал.

– *Дод-а-чок?* – спросило чудовище как будто даже заботливо, вытаращилось на стрелка своими глазками, колышущимися на стебельках, и протянуло клешни... но тут набежала волна прилива, и клешни снова поднялись в стойке чести. Однако на этот раз они легонько подрагивали, и стрелок понял, что существо так реагирует на звук волны и что сейчас этот звук – для его преследователя по крайней мере – был чуть-чуть послабее.

Стрелок отступил назад, перешагнув через камень, и нагнулся в тот самый момент, когда волна со скре-

жещущим ревом обрушилась на усеянный галькой берег. Его голова оказалась в каких-нибудь нескольких дюймах от насекомоподобного рыла чудовища. Оно могло запросто выцарапать ему глаза, хватило бы одного взмаха клешни, но эти трепещущие клешни, так похожие на стиснутые кулаки, оставались воздетыми к небу по обеим сторонам его попугаячьего клюва.

Стрелок потянулся за камнем, из-за которого он чуть не упал. Это был здоровенный камень, наполовину вросший в песок. Его искалеченная правая рука заныла, когда комья грязи и острые грани камня врезались в открытую кровоточащую плоть, но стрелок все же выдернул камень из слежавшегося песка и, закусив губы, поднял его.

– *Дад-а...* – начало было чудовище, опуская и разжимая клешни по мере того, как откатывала волна и замирал ее рев, но стрелок изо всех сил грохнул камнем по спине твари.

Раздался треск – это сломался пластинчатый панцирь. Чудовище бешено извивалось под камнем, его хвост неистово бил о песок, вверх-вниз, вверх-вниз. Его вопрошающие интонации обернулись глухими воплями боли. Клешни щелкали, пытаясь схватить пустоту. Зазубренный клюв скрежетал о комки песка и гальку.

И все же, когда набежала очередная волна, тварь

попыталась поднять клешни, и в то же мгновение стрелок наступил ей на голову своим уцелевшим сапогом. Звук был таким, как будто хрустнуло много-много сухих тонких прутиков. Из-под каблука, брызнув в обе стороны, потекла какая-то густая жижа. Черного цвета. Чудовище выгибалось дугой и неистово извивалось. Стрелок еще сильнее надавил сапогом.

Набежала волна.

Клешни твари приподнялись на дюйм... на два дюйма... затряслись и упали, судорожно сжимаясь и разжимаясь.

Стрелок убрал ногу. Зазубренный клюв, который оттапал от его живой плоти два пальца на руке и один на ноге, медленно раскрылся и закрылся. Один усик лежал, сломанный, на песке, другой бессмысленно трепыхался.

Стрелок еще раз припечатал ногой издыхающее чудовище. Потом – еще.

Он с натужным вздохом отвалил ногой камень и прошелся вдоль правого бока твари, методично пиная панцирь левым сапогом, ломая его, втоптывая бледные внутренности в темно-серый песок. Чудовище издохло, но для стрелка этого было мало: никогда за свою долгую, полную превратностей жизнь он еще не был так тяжело ранен, к тому же все это произошло так неожиданно.

Он продолжал топтать дохлую тварь, пока не увидел посреди прокисшего месива свой собственный палец с белой пылью под ногтем – пылью с голгофы, где они с человеком в черном вели бесконечно долгий разговор. Вот тут-то стрелок отвернулся, и его вырвало.

Стрелок зашагал обратно к воде, пошатываясь как пьяный, прижимая к рубашке свою искалеченную руку. Время от времени он оглядывался, чтобы удостовериться, что гнусная тварь не воскресла, как какая-нибудь живучая оса, по которой колотят-колотят, а она все извивается, оглушенная, но живая; убедиться, что она не гонится за ним, задавая нечленораздельные вопросы своим до жути отчаянным голосом.

На полпути к воде он остановился и стоял так, шатаясь, глядя на то самое место, где все это и началось. Глядя и вспоминая. По всей видимости, он уснул чуть ниже верхней линии прилива. Стрелок поднял с земли дорожную сумку и свой разодранный сапог.

В разоблачающем свете луны он увидел и других тварей – таких же – и в промежутке между набегаящими волнами различил их вопрошающие голоса.

Осторожно, шаг за шагом стрелок отступил к тому месту, где галечный пляж сменялся травой. Там он уселся и сделал все, что считал нужным сделать: присыпал обрубки откусанных пальцев остатками таба-

ка, чтобы остановить кровотечение, – присыпал погуще, не обращая внимания на новые приступы боли (теперь в этот хор вступил и оторванный большой палец ноги), а потом просто сидел, покрываясь испариной на студеном ветру, и гадал, будет заражение или нет и как ему теперь обходиться без двух пальцев на правой руке (что касается револьверов, тут обе руки его были равны, но во всех остальных делах он ловчее справлялся правой). А еще он гадал о том, ядовитая была тварь или нет, а если да, то не проник ли уже этот яд ему в кровь и настанет ли для него завтрашний день.

Узник

Глава 1 Дверь

1

– Три. Вот число твоей судьбы.

– Три?

– Да. Три – мистическое число. Трое стоят в центре мантры.

– Кто эти трое?

– Первый темноволос. Сейчас он стоит на грани грабежа и убийства. Демон его осаждает. Имя демону – ГЕРОИН.

– Что за демон еще? Я не знаю его, даже в сказках такого нет.

Он пытался говорить, но голоса не было, и голос оракула, Звездной Шлюхи, Потаскушки Ветров, тоже исчез. Он видел, как падает карта из ниоткуда в никуда, непрерывно переворачиваясь в истоме тьмы. На карте скалился бабуин, восседаю-

щий на плече у молодого мужчины с черными волосами; его пальцы, до жути похожие на человеческие, так глубоко вонзались юноше в шею, что их кончики утопали в плоти. Присмотревшись внимательно, стрелок разглядел, что в своей скрюченной душащей лапе бабуин держит плетку. Лицо юноши искажала гримаса несказанного ужаса.

– Узник, – по-дружески прошептал человек в черном (тот самый Уолтер, человек, которому стрелок доверял когда-то). – *Правда, в нем есть что-то угнетающее? В нем есть что-то угнетающее... в нем есть что-то... что-то...*

2

Вздрагнув, стрелок проснулся, отмахиваясь от чего-то своей искалеченной рукой, уверенный, что одно из этих чудовищ с панцирем из Западного моря сейчас набросится на него, сдирая кожу с лица, отчаянно вопрошая его на странном своем языке.

Но вместо чудища он увидел какую-то морскую птицу, привлеченную бликами раннего солнца на пуговицах рубашки; испуганно вскрикнув, она отлетела прочь.

Роланд сел.

В руке пульсировала боль, ужасная, бесконечная.

В правой ноге тоже. Стрелок чувствовал свои пальцы, которых не было. Его рубаша с оторванной нижней половиной теперь больше напоминала короткий жакет с обтрепанными краями. Одним куском ткани он перевязал руку, вторым забинтовал стопу.

– *Пошли прочь*, – сказал он пальцам, которых не было. – *Вас уже нет, вы – фантомы. Пошли прочь.*

Чуть-чуть помогло. Совсем немного, но все-таки. Да, это были фантомы, призраки, но только живые.

Стрелок съел немного вяленого мяса. Соленое, оно было не в радость ни рту, ни желудку, но он все же заставил себя перекусить. Это чуть-чуть приободрило его. Хотя на самом-то деле силы его уже почти иссякли. Положение было чуть ли не безвыходным.

А ведь нужно еще кое-что совершить.

Он нетвердо поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Парившие над морем птицы то и дело устремлялись вниз и ныряли в воду. Больше не было никого. Как будто весь мир принадлежал только им и ему. Чудовища скрылись из виду. Может, они существа ночные или выходят на берег только в часы прилива. Сейчас это казалось неважным.

Огромное море соприкасалось с горизонтом в некой размытой голубой точке, которую невозможно было вычислить. Заглядевшись, стрелок на время забыл про боль. Он в жизни не видел столько воды. Ра-

зумеется, он слышал о море и в детских сказках, и от учителей. Некоторым из них удалось убедить его в том, что оно существует... но чтобы своими глазами увидеть... эту громаду, это чудо безбрежной воды после стольких лет жизни в иссушенных землях... Ему было трудно поверить в это. Трудно даже *смотреть* на такое.

Он глядел на море долго, восхищенно, заставляя себя смотреть, и дивился, до поры забыв свою боль.

Но уже наступило утро, и еще предстояло многое сделать.

Стараясь не потревожить обрубки пальцев, он ладонью осторожно нащупал в заднем кармане челюсть, проверяя, на месте ли она. Ноющая боль сменилась острой, кричащей.

Кость на месте.

Порядок.

Дальше.

Он неуклюже расстегнул ремни с кобурами и положил их на залитый солнцем камень. Вытащил револьверы, крутанул барабаны, вынул бесполезные теперь патроны и выбросил их. Они засияли на солнце. На яркие блики прилетела птица, подхватила один патрон клювом, потом выронила и улетела прочь.

Теперь пора позаботиться и о самих револьверах — это стоило бы сделать в первую очередь, но поскольку

ку в этом мире, как и в любом другом, револьвер без патронов – всего лишь кусок металла, стрелок сперва разложил патронташи у себя на коленях и осторожно провел левой рукой по коже.

Оба промокли от пряжек до того места, где ремни соприкасаются с бедрами; дальше как будто были сухими. Он осторожно вынул все сухие патроны. Правая его рука так и рвалась приняться за работу, даже несмотря на боль, забыв про увечье, и стрелок поймал себя на том, что он снова и снова возвращает ее на колено, как глупую или капризную собаку, которая не понимает команд. Обезумев от боли, он пару раз едва не ударил по ней.

Кажется, у меня назревают большие проблемы, опять подумал он.

Он сложил сухие патроны, хотелось надеяться, исправные, в одну кучу и тут же пришел в уныние: такой она оказалась жалкой. Двадцать штук. И некоторые скорее всего непременно дадут осечку. То есть нельзя полагаться ни на один. Он достал остальные патроны и сложил их в другую кучку. Тридцать семь.

Ну что ж, нельзя сказать, что ты и раньше был вооружен до зубов, утешил себя стрелок, но он хорошо понимал разницу между пятьюдесятью семью годными патронами и в лучшем случае – двадцатью. А то и десятью. Или пятью. Или одним. Или, может, во-

обще ни единым.

Стрелок отложил сомнительные патроны в сторону.

Хорошо еще, что сумка его не пропала. Стрелок разложил ее на коленях, потом медленно разобрал револьверы и совершил ритуал чистки. Закончил он через два часа. Боль настолько обострилась, что у него закружилась голова. Стало трудно даже связно мыслить. Хотелось спать. Никогда в жизни ему так не хотелось спать. Но ни разу еще сон не служил ему оправданием для того, чтобы отложить дела и забыть о долге.

– Корт, – проговорил стрелок, и сам не узнал свой голос. Он натянуто рассмеялся.

Медленно, очень медленно он собрал револьверы и зарядил их патронами, которые предположительно остались сухими. Покончив с этим, он поднял револьвер, подогнанный под его левую руку... и медленно отпустил курок, так и не выстрелив. Да, он хотел знать. Хотел знать, что будет, когда он нажмет на спусковой крючок: выстрел или еще один бессмысленный щелчок. Но щелчок не значил бы ничего, а выстрел лишь уменьшил бы количество пригодных патронов с двадцати до девятнадцати... или до девяти... или до трех... а может быть, их бы вообще не осталось.

Он оторвал еще одну полосу от рубахи, сложил на нее остальные патроны – те, что намокли, – и завязал

узелок левой рукой, помогая себе зубами. Потом су-
нул сверток в сумку.

*Спать, требовало его тело. Спать, тебе надо по-
спать, сейчас, пока не стемнело. У тебя не оста-
лось сил, ты выдохся...*

Он заставил себя подняться и оглядел пустынный
берег цвета давно не стиранного, заношенного ис-
поднего. Берег был усыпан бесцветными ракушками.
Кое-где из крупнозернистого песка торчали большие
камни, густо покрытые гуано²; те слои, что постарее,
были желтыми, точно старые зубы, а те, что посвежее,
сверкали белизной.

По линии прилива подсыхали бурые водоросли.
Совсем рядом валялись разорванный в клочья пра-
вый сапог стрелка и бурдюки для воды. Стрелок поди-
вился такому чуду, что их не смыло волнами в море.
Сильно хромая, он медленно подошел к ним. Поднял
один и встряхнул, приложив к уху. Второй бурдюк точ-
но был пуст, но в этом еще оставалось немного воды.
Большинство людей ни за что бы не заметили разни-
цу между ними, но стрелок различал их, как мать раз-
личает своих близнецов и никогда не путает одного с
другим. Он очень долго скитался по свету с этими бур-
дюками. Внутри плескалась вода. Это хорошо – это

² Гуано – разложившийся в условиях сухого климата помет морских
птиц. – Примеч. ред.

настоящий подарок, ведь напавшая на него тварь или ее сородичи могли бы порвать бурдюки одним случайным укусом или движением клешни, но этого не случилось и волны не унесли их в море. Самой твари что-то не было видно, хотя стрелок прикончил ее гораздо выше линии прилива. Возможно, ее останки утащили другие хищники; или же собратья погребли ее в море, как те огромные существа из детских сказок, *слоны*, которые, по слухам, хоронят своих умерших.

Он поднял бурдюк на левом локте, сделал большой глоток и тут же почувствовал, как к нему возвращаются силы. Само собой, правый сапог был порядком изувечен... но все же не так безнадежно. Подошва осталась целой – посеченной, конечно, но целой, – и скорее всего с ней еще можно что-нибудь сделать: отрезать кусочек от левого сапога, приладить на правый, чтобы обойтись этим хотя бы первое время...

Внезапно он почувствовал, что близок к обмороку. Его охватила слабость. Он попытался одолеть ее, но ноги его подкосились, и он сел на песок, по-дурацки прикусив язык.

«Ты не будешь терять сознание, – твердо сказал он себе. – Только не здесь, где ночью на берег вполне может выползти еще одна тварь – и уж на этот раз точно тебя прикончить».

Он поднялся на ноги, обвязал пустой бурдюк вокруг

пояса и направился к тому месту, где оставил свои револьверы и сумку. Но не прошел стрелок и двадцати ярдов, как снова упал, едва не потеряв сознание. Он полежал немного, прижавшись щекой к песку. Краешек ракушки почти до крови врезался в кожу под нижней челюстью. Он сумел поднести бурдюк с водой ко рту и сделать несколько глотков, а потом, не вставая, пополз к тому месту, где проснулся сегодня утром. В двадцати ярдах выше по склону росло одинокое чахлое деревце – юкка, дерево Иисуса, отбрасывавшее какую-никакую, но тень.

Роланду эти двадцать ярдов показались двадцатью милями.

Но он все-таки смог перетащить свои немногочисленные пожитки в крошечный островок тени. Опустив голову на траву, стрелок улегся, уже отдаваясь сну, или беспометству, или смерти. Он поглядел на небо, пытаясь определить время. Еще не полдень, но, если судить по размеру пятнышка тени, в котором он прилежался, полдень уже близок. Стрелок продержался в сознании еще мгновение: поднес правую руку к глазам, высматривая, нет ли характерных алых полос, признаков заражения, яда, неуклонно разливающегося по телу.

Ладонь была тускло-красной. Нехороший знак.

Я могу мастурбировать левой, подумал он. Это

уже утешает.

А потом он провалился во тьму и проспал почти шестнадцать часов под шум Западного моря, что непрестанно гремел в его ушах.

3

Когда он проснулся, море было темным, но с восточной стороны неба проглядывал слабый свет. Утро уже наступало. Стрелок сел, и тут же волной нахлынула дурнота.

Он опустил голову и переждал.

Когда слабость прошла, он взглянул на свою правую руку. Да, заражение он заработал – предательская краснота расползлась по ладони и захватила запястье. Дальше пока не пошло, но стрелок уже различал слабые ростки других алых линий, которые в конечном счете протянутся до сердца и убьют его. И уже, кажется, начался жар. Лихорадка.

«Мне нужно лекарство, – сказал он себе. – Но здесь его взять неоткуда».

Выходит, он проделал такой долгий путь лишь для того, чтобы тут умереть? Нет. Он не умрет. А если все-таки ему суждено умереть, несмотря на его решимость, он умрет на пути к Башне.

«Какой же ты исключительный человек, стрелок!»

Редкий, я бы даже сказал, человек! – хихикнул у него в голове человек в черном. – Неукротимый такой! Романтичный такой в идиотской своей одержимости!»

– Пошел ты, – прохрипел стрелок и глотнул воды. Вот и воды почти не осталось. Перед ним простиралось море, вот именно, целое море: кругом вода, но не испить ни капли, ни глотка. Ладно, не все ли равно.

Он надел ремни с кобурами, затянул пряжки – это простое дело заняло столько времени, что даже когда наступил рассвет, открывая новый день, стрелок все еще возился. Потом он попытался встать, хотя не был уверен, что сможет, пока не поднялся на ноги.

Держась левой рукой за деревце, правой он поднял бурдюк, в котором еще оставалось чуть-чуть воды, и перекинул его через плечо. Следом – сумку. Когда он выпрямился, опять накатила слабость, и он опустил голову, пережидая, заставляя себя одолеть ее.

Слабость прошла.

Неуверенными, заплетающимися шагами человека в последней стадии опьянения стрелок спустился на берег. Там он постоял, глядя на океан, темный, как вино из шелковицы, а потом вынул из сумки последний кусок вяленого мяса. Он съел половину, и на этот раз рот и желудок приняли пищу чуть более благосклонно. Стрелок отвернулся от моря и откусил от остав-

шейся половины, глядя на солнце, встающее над горами, где погиб Джейк. Солнце как будто на миг зацепилось за суровые голые зубья вершин, потом поднялось выше.

Роланд подставил лицо лучам солнца, закрыл глаза и улыбнулся. Потом доел мясо.

И подумал еще: Замечательно. Я теперь человек без еды, без двух пальцев на руке и без одного на ноге; стрелок при патронах, которые могут и вовсе не выстрелить; у меня заражение крови после укуса какой-то твари, и у меня нет лекарств. Если мне повезет, то воды хватит на день. Может быть, я сумею пройти с дюжину миль, если выложусь до предела. Короче, мне скоро конец.

Куда идти? Пришел он с востока; но на запад дороги нет, если только ты не спаситель и не святой. Остается двигаться на север или на юг.

На север.

Так подсказывало ему сердце. Совершенно определено.

На север.

Стрелок тронулся в путь.

4

Он шел уже три часа. Дважды он падал и больше

не надеялся, что сможет подняться еще раз. Но набежала волна. Достаточно большая, чтобы заставить его вспомнить о револьверах, и он встал, сам не зная как. Ноги дрожали, как ходули.

По примерным подсчетам, за эти три часа он одолел около четырех миль. Солнце уже припекало, но все-таки не настолько сильно, чтобы так трещала голова и пот ручьями стекал по лицу. С моря дул ветер, но опять же – вряд ли такой легкий бриз мог вызвать приступы дрожи, озноб, который время от времени пробирал стрелка, заставляя его тело покрываться гусиной кожей, а зубы стучать.

«Жар, стрелок, – язвительно верещал человек в черном. – Все, что осталось еще в тебе, сгорит в огне».

Красные полосы заражения стали отчетливее, протянувшись от запястья почти до локтя.

Он прошел еще милю и, выпив остатки воды, объял пустой бурдюк вокруг пояса. Однообразный пейзаж вызывал неприятные чувства. Справа – море, слева – горы, под сапогами – серый песок вперемешку с ракушками. Волны бились о берег. Стрелок искал глазами омарообразных чудищ, но не увидел ни одного. Он шел из ниоткуда в никуда, человек из другого времени, который, похоже, постиг смысл бессмысленного конца.

Незадолго перед полуднем он снова упал и понял, что на этот раз ему уже не подняться. Значит, он умрет здесь. На этом месте. Вот и финал.

Привстав на четвереньки, он с усилием поднял голову, как боксер, приходящий в себя после сокрушительного удара... и впереди на расстоянии, может быть, мили, может быть, трех (ему было трудно определить дистанцию на безликой, лишенной всяких ориентиров местности, тем более когда тело горело в лихорадке и все плыло перед глазами) увидел что-то новое. Необычное. Вертикально стоящее на берегу.

Что это? *(Три.)*

Впрочем, не важно. *(Три – вот число твоей судьбы.)*

Стрелок сумел снова подняться на ноги. Прохрипел что-то нечленораздельное, мольбу, которую слышали только парящие в воздухе птицы *(С какой радостью они выключат у меня глаза, подумал он мимоходом, я для них такая лакомая добыча!)*, и пошел вперед, еще сильнее шатаясь из стороны в сторону, оставляя за собой извивающийся петлями след.

Стрелок брел, не сводя глаз с этого предмета впереди. Когда волосы падали на глаза, он откидывал их со лба. Непонятная штуковина как будто и не становилась ближе. Солнце, поднявшись до высшей точки, надолго зависло в зените. Однако что-то уж слишком

надолго. Роланд представил, что он снова в пустыне, как раз между последней хижинкой поселенца (*нет музыкальной еды, чем больше сожрешь, тем звончей перданешь*) и дорожной станцией, где мальчик (*твой Исаак*) ждал, когда он придет.

Ноги его подкосились, выпрямились, подкосились и выпрямились опять, а когда волосы снова упали ему на глаза, он даже не стал убирать их: у него просто не было сил. Он лишь смотрел на предмет впереди, который теперь отбрасывал на песок узкую тень, и продолжал шагать.

Сейчас, даже при разыгравшейся лихорадке, он уже разглядел, что это такое.

Дверь.

Когда до двери оставалось не более четверти мили, ноги Роланда опять подкосились, но на этот раз выпрямить их он не смог. Он упал, пробороздив правой рукой зернистый песок с ракушками. Обрубки пальцев пронзила жгучая боль – падая, он сорвал свежие струпья, и они снова закровоточили.

Не имея сил подняться, он пополз. В ушах стоял непрерывный грохот и рев разбивающихся о берег волн Западного моря. Он полз, отталкиваясь коленями и локтями, оставляя вдавленный след в песке чуть выше линии прилива, обозначенной гирляндой буро-зеленых водорослей. Вероятно, ветер все еще

дует – должен дуть, потому что по его телу все так же бежали мурашки озноба, – но стрелок слышал только свое дыхание, сухими хрипами вырывающееся из горла.

Дверь стала ближе.

Еще.

Еще.

Наконец, около трех часов пополудни этого долгого бредового дня, когда его тень по левую руку уже начала удлиняться, он добрался до загадочной двери, присел рядом на корточки и устало уставился на нее.

Дверь высотой шесть с половиной футов была сделана, похоже, из какого-то твердого дерева, хотя ближайшая роща таких деревьев осталась за семь сотен миль, если не больше, отсюда. Судя по виду, дверная ручка была из золота. Ее украшала филигранная гравировка. Стрелок долго смотрел на узор и наконец узнал его: перед ним сияла ухмыляющаяся морда бабуина.

Замочной скважины не было. Ни под ручкой, ни над ней.

Зато были петли, хотя сама дверь ни к чему не крепилась. *Или просто так кажется, подумал стрелок. Здесь какая-то тайна, быть может, чудеснейшая из чудесных, но имеет ли это значение? Ты умираешь. Твоя собственная тайна – единственная, действи-*

тельно что-то значащая для любого мужчины, для любой женщины в смертный час, – уже на подходе.

И все равно это как будто имело значение.

Эта дверь. Дверь там, где в принципе не может быть никаких дверей. Она просто стояла на сером песке футах в двадцати от линии прилива, с виду такая же вечная, как и само море. Теперь, когда солнце клонилось к западу, ее густая косая тень протянулась к востоку.

На высоте примерно двух третей от земли на двери чернели буквы, складывавшиеся в одно только слово на Высоком Слоге: *УЗНИК (Демон его осаждает. Имя демону – ГЕРОИН).*

Внезапно стрелок различил какое-то приглушенное гудение. Сперва он подумал, что это ветер или просто от лихорадки шумит в ушах, но постепенно он пришел к выводу, что это низкий гул моторов... и что идет он откуда-то из-за двери.

Вот и открой ее. Она же не заперта. И ты это знаешь.

Но вместо того чтобы открыть дверь, он неловко поднялся на ноги и обошел вокруг, стремясь взглянуть на нее с другой стороны.

Но никакой другой стороны просто *не было*.

Только темно-серый песок, протянувшийся насколько хватало глаз. Только волны, ракушки, полоса

прилива, его собственные следы – отпечатки подошв и ямки, продавленные локтями. Он еще раз внимательно пригляделся к тому месту, где была дверь, и в изумлении широко открыл глаза: двери не было, но тень от нее осталась.

Он приподнял было правую руку – как же медленно он учился тому, что отныне на месте ее всегда будет левая! – уронил ее, поднял левую и вытянул ее вперед, ожидая наткнуться на твердое препятствие.

Если я к нему прикоснусь, я постучу в пустоту, решил он. *Забавное будет занятие перед смертью!*

Его рука прошла сквозь воздух в том месте, где должна была быть – даже если она невидимая – дверь.

Так что стучать не по чему.

И гул моторов – если это действительно был гул моторов – смолк. Остались лишь волны, ветер и тошнотворный шум в голове.

Стрелок неторопливо вернулся обратно, к внешней стороне несуществующей двери, предположив, что уже начались глюки и это лишь первый шаг...

Он встал как вкопанный.

Только что он смотрел на запад и видел лишь все те же серые волны, накатывающие на берег, и вот взгляд его уперся в массивную дверь. Теперь он явно увидел панель замка, тоже как будто из золо-

та. Обрубком торчал его металлический язычок. Роланд чуть-чуть повернул голову к северу – и дверь исчезла. Снова взглянул прямо перед собой, и дверь появилась опять. И даже не *появилась*: она и не исчезала.

Он обошел дверь вокруг и встал перед ней, покачиваясь от слабости.

У двери не было внутренней стороны – только наружная. Он мог бы еще раз попробовать обойти ее, но совершенно очевидно, что результат будет тот же, только на этот раз он уже вряд ли сумеет устоять на ногах.

Интересно, а можно через нее пройти с несуществующей стороны?

Да, здесь было чему удивляться, но правда гораздо проще: здесь, у моря, на бесконечном пляже стоит эта дверь, и ему нужно выбрать одно из двух – открыть ее или вообще не трогать.

Осознавая мрачный комизм ситуации, Роланд сказал себе, что, может быть, он умирает не так быстро, как полагал. Если бы он был совсем плох, стал ли бы он так бояться?

Он взялся левой рукой за ручку двери и не удивился ни мертвенному холоду металла, ни едва различимому жару от рун, на нем выгравированных.

Стрелок повернул ручку и потянул на себя. Дверь

открылась.

Он ожидал увидеть там что угодно, но только не то, что перед ним предстало.

Стрелок смотрел, замерев, потом первый раз в жизни закричал в голос от ужаса и захлопнул дверь. И хотя не было косяка, о который она могла бы грохнуть, она все равно грохнула, распугав морских птиц, расположившихся на камнях понаблюдать за стрелком.

5

А увидел он землю с небывалого, невообразимого расстояния – как будто он парил в небе на многомильной высоте. Он видел лежащие на землю тени облаков, плывущих над нею, как сны. Так, наверное, видят землю орлы, но только стрелок парил в три раза выше любого орла.

Шагнуть через эту дверь – значит упасть и с криком лететь вниз на протяжении многих минут, и погибнуть потом, врезавшись глубоко в землю.

Нет, ты видел не только это.

Он обдумывал увиденное, тупо сидя на песке перед закрытой дверью, баюкая на коленях искалеченную руку. Теперь уже первые признаки заражения обнаружились выше локтя. Скоро, уж будьте уверены, оно дойдет и до сердца.

В голове у него прогремел голос Корта:

«А теперь послушайте меня, сопляки. И слушайте очень внимательно, потому что когда-нибудь то, что я сейчас вам скажу, может спасти вам жизнь. Вот вы смотрите, и вам кажется, что вы все видите, но на самом-то деле вы видите далеко не все. И для этого тоже вас ко мне определили – чтобы я показал вам, чего вы не видите в том, на что смотрите. Когда, например, вам страшно, или когда вы деретесь, или бежите, или занимаетесь любовью. Никто не видит всего, на что смотрит, но прежде чем вам стать стрелками – тем из вас, кому не придется уйти на Запад, – вам надо еще научиться одним только взглядом увидеть больше, чем иной человек видит за всю свою жизнь. А то, что вы не увидите с первого взгляда, можно увидеть потом – глазами памяти – в том случае, если вы доживете до того, чтобы вспомнить. Вот так-то. Потому что разница между тем, видишь ты или не видишь, может стать разницей между жизнью и смертью».

Он видел землю с большой высоты (и голова у него закружилась еще сильнее, а ему самому было гораздо страшнее, чем тогда, когда человек в черном наслал на него видение, завершившееся образом одинокой травинки, ибо то, что увидел он через дверь,

было отнюдь не видением, и рассеянный взгляд его безотчетно зафиксировал одну вещь, о которой стрелок вспомнил только сейчас: земля внизу была не пустыней, не морем, а какой-то зеленой равниной, покрытой неправдоподобно буйной растительностью, с прогалинами воды. Стрелок даже подумал, что это болото, но однако же...

«*Куда подевалось твое внимание?* – свирепо дразнил его голос Корта. – *Ты видел больше!*»

Да.

Он видел еще что-то белое.

Белые края.

«*Браво, Роланд!*» – воскликнул Корт у него в голове, и Роланд как будто почувствовал пожатие его твердой мозолистой руки. Он даже поморщился.

Он видел землю через окно.

Стрелок заставил себя подняться, снова взялся за ручку двери, ощущая ладонью холод металла и жаркие линии гравировки, и опять открыл дверь.

6

Панорама земли, которую он ожидал увидеть с такой немислимой, ужасающей высоты, исчезла. Он смотрел на слова, которых не понимал. Не то чтобы не понимал совсем: это были Великие Буквы, но по-

рядком искаженные...

Над словами было изображение какого-то экипажа без лошадей – автомобиля, одного из тех, которые, предположительно, наводнили мир еще до того, как он сдвинулся с места. Внезапно стрелку вспомнились слова Джейка на дорожной станции, когда стрелок его загипнотизировал.

Быть может, такой экипаж – еще с ним рядом стояла, смеясь, дама в мехах – или очень похожий и наехал на Джейка в том другом, странном мире.

Это и есть тот другой мир, подумал стрелок.

Вдруг панорама земли...

Она не изменилась, но она *стала сдвигаться*. Стрелок покачнулся. Голова у него закружилась, к горлу подступила тошнота. Слова и картинка ушли куда-то вниз, и теперь стрелок увидел проход между двумя рядами кресел. Кроме нескольких пустых, почти все они были заняты мужчинами в странной одежде. Стрелок подумал, что это костюмы, хотя раньше ничего подобного он не видел. Штуки у них вокруг шеи, наверное, галстуки или шейные платки, но он таких тоже ни разу не видел. И вроде никто из них не вооружен. Роланд не заметил ни мечей, ни кинжалов, не говоря уже о револьверах. Что это еще за доверчивые овечки? Одни читали газеты с мелкими-мелкими буквами и картинками, другие что-то писали на бума-

ге какими-то странными ручками. Он в жизни таких не видел. Но ручки – что? Вот бумага – это да. В его мире бумага была на вес золота. Столько бумаги Роланд не видел за всю свою жизнь. Вот и сейчас один из мужчин вырвал листок из желтого блокнота и скомкал его, хотя исписал одну сторону, и то всего лишь наполовину, а на другой не писал вовсе. Как бы стрелок ни был болен, глядя на такое противоестественное расточительство, он ощутил приступ гнева и ужаса.

За креслами дугой изгибалась закругленная белая стена с рядом окон. Кое-где они были закрыты своего рода ставнями, а в открытых виднелось голубое небо.

К дверному проему приблизилась женщина в одежде, похожей на униформу, но опять же не встречавшаяся стрелку раньше: ярко-красного цвета с *брюками* вместо юбки. Он отчетливо видел то место, где соединялись ее ноги. Раньше он видел это место только у обнаженных женщин.

Она подступила так близко к двери, что Роланду даже показалось, будто она сейчас пройдет сквозь нее. Он отступил на шаг, умудрившись не упасть. Она посмотрела на него с видом умелой, даже профессиональной предупредительности, так что сразу стало ясно, что эта женщина, будучи на службе, вместе с тем не принадлежит никому, кроме себя самой. Но этонисколько не заинтересовало стрелка. Заинтересова-

ло же его другое, а именно то, что выражение ее лица ни капельки не изменилось. Как-то странно, что женщина – да и вообще кто угодно, уж если на то пошло, – так ласково смотрит на немытого, измученного мужика, который и на ногах-то стоит еле-еле, с револьверами по бокам, пропитанной кровью повязкой на правой руке и в джинсах, что выглядят так, словно по ним прошлись циркулярной пилой.

– Не желаете ли... – спросила женщина в красном. Стрелок не понял последовавших за этим слов. *Наверное, речь шла о еде или напитке*, подумал он. *Это красное одеяние... это не хлопок. Шелк? Немного похоже на шелк, но опять же...*

– Джин, – ответил ей голос. Это слово Роланд понял. И внезапно он понял еще кое-что.

Это не дверь.

Это глаза.

Звучит, конечно, как полный бред, но он смотрел на внутреннее убранство машины, летевшей по небу. И смотрел чужими глазами.

Чьими же, интересно?

Но он уже понял. Он смотрел глазами Узника.

Глава 2

Эдди Дин

1

Словно бы подтверждая его догадку, какой бы безумной она ни казалась, картина, которую видел перед собой стрелок сквозь дверной проем, вдруг поднялась и сместилась в сторону. Она *повернулась* (опять подступило головокружение, как будто стоишь на какой-нибудь платформе с колесами, которую раскачивают туда-сюда невидимые руки), и проход между рядами поплыл мимо дверного проема. Стрелок увидел помещение, где находилось несколько женщин, одетых в одинаковую красную форму. Там было полно каких-то стальных предметов, и стрелку захотелось остановить движущуюся картинку, несмотря на изнеможение и боль, чтобы рассмотреть эти похожие на механизмы устройства получше. Одна штука напоминала печь. Женщина в униформе, та, которую он уже видел, как раз наливала джин, заказанный непонятным голосом. Бутылка была совсем крошечной и, без сомнения, стеклянной. А вот бокал, в который она наливала, *только имел вид стекла*, но

стрелку показалось, что он все-таки сделан из чего-то другого.

Прежде чем стрелок успел рассмотреть все как следует, изображение в дверном проеме сдвинулось. Опять головокружительный поворот – и он уже смотрит на какую-то дверь из металла. На табличке над ней светились буквы. Стрелок сумел разобрать это слово: СВОБОДНО.

Изображение немного сместилось. Справа от двери, через которую смотрел Роланд, показалась рука и взялась за ручку той двери, на которую он смотрел. Он увидел манжету рукава голубой рубахи, чуть-чуть закатанного, и завитки черных волос на руке. Длинные пальцы. Перстень с камнем, который мог быть и рубином, и простой стекляшкой. Скорее второе, решил стрелок, для драгоценного этот камень уж слишком здоровый и вульгарный.

Металлическая дверь распахнулась, и стрелок заглянул в уборную, самую странную из всех, которые доводилось ему видеть: она была сплошь из металла.

Косяк металлической двери проплыл мимо двери на морском берегу. Стрелок услышал, как щелкнула задвижка. Он был избавлен от очередного головокружительного поворота и поэтому предположил, что человек, глазами которого он сейчас смотрел, запер за собой дверь не оглядываясь, просто протянув руку

назад.

А потом изображение все же повернулось – не полностью, а только наполовину: он смотрел теперь в зеркало, и перед ним было лицо, которое он уже видел однажды... на карте Таро. Те же темные глаза и непослушные черные волосы. Лицо спокойное, но бледное, а в глазах (глазах, через которые он сейчас смотрел, и одновременно глядевших на него) Роланд заметил то же самое выражение испуга и ужаса, что и в глазах человека с бабуином на плече на карте Таро.

Человека трясло.

Он тоже болен.

А потом стрелок вспомнил Норта, травоеда из Талла.

Вспомнил слова оракула.

Демон его осаждает.

Стрелку вдруг пришло в голову, что он, наверное, знает, что такое ГЕРОИН: какое-то зелье вроде бес-травы.

Правда, есть в нем что-то угнетающее?

Не задумываясь, с простой решимостью, благодаря которой он и остался последним из всех и не свернул с дороги, даже когда Катберт и все остальные погибли или же отступились, кто – покончив с собой, кто – пойдя на предательство, а кто – и просто отказавшись от самой мысли о Башне; итак, с решимостью, отме-

тающей всякую неуверенность, раздумья и сомнения, с той самой решимостью, которая провела его через пустыню и вообще через все эти долгие годы погони за человеком в черном, стрелок шагнул в проем двери.

2

Эдди заказал джин с тоником – быть может, идея не самая лучшая – проходить подшофе славную Нью-Йоркскую таможеню, к тому же он знал – стоит ему начать, остановиться он уже не сможет, – но ему нужно было хоть чем-то заняться.

«Если тебе позарез нужно спуститься, а ты не можешь найти лифт, – однажды сказал ему Генри, – спускайся хоть на помеле, только добейся своего».

А теперь, когда он сделал заказ и стюардесса ушла, ему вдруг показалось, что его сейчас, похоже, стошнит. Не то чтобы *обязательно*, но весьма вероятно, поэтому лучше все-таки перестраховаться. Проходить таможеню с двумя фунтами чистого кокаина под мышками и при этом дышать на нихджином – и так уже невеликая радость; но еще и с пятном блевотины, подсыхающей на штанах, – это точно накликают беду. Так что лучше перестраховаться. Может быть, тошнота пройдет, как это обычно бывает, но надо все-таки

принять меры.

А заговздка в том, что он собирался «остыть». То есть не завязать с «дурью» совсем, или, говоря на их языке, заморозиться, а именно «остыть». Еще один перл великого мудреца и выдающегося наркомана Генри Дина.

Они сидели тогда на балконе пентхауса «Королевской башни», еще не в отключке, но уже близкие к этому, подставляя лица теплomu солнышку, потихонечку забалдевая... в те старые добрые времена, когда Эдди только-только начал нюхать рассыпуху, а сам Генри еще не сел на иглу.

– *Все говорят о глубокой заморозке,* – сказал тогда Генри. – *Но тем не менее многие предпочитают сначала «остыть».*

А Эдди, почти уже ничего не соображая, только бешено гоготал, потому что доподлинно знал, о чем говорит ему Генри. Но сам Генри лишь улыбался какой-то надломленной улыбкой.

– *В некотором смысле завязывать резко лучше, чем постепенно,* – продолжал Генри. – *По крайней мере, когда решаешься сразу на глубокую заморозку, ты ЗНАЕШЬ, что тебя будет трясти, ты ЗНАЕШЬ, что будешь блевать, ты ЗНАЕШЬ, что будешь исходить потом, пока тебе не покажется, что ты тонешь в нем. А вот тянуть с этим делом – значит*

обрекать себя на пытку ожиданием.

Эдди вспомнил о том, что он спросил Генри, как бы тот назвал «иглового» (а в те смутные невозвратные дни, месяцев этак шестнадцать назад, они торжественно уверяли друг друга, что колоться никогда не станут), когда он получает убойный «передоз».

– *А это уже называется «пережариться» или «превратиться в гуся жареного»,* – быстро ответил Генри и вдруг удивился себе же, как это бывает, когда, и сам того не ожидая, скажешь что-то прикольное и смешное. Они переглянулись и захохотали, корчась от смеха и хватая друг друга за плечи. Гусь жареный. Умора. Вот только теперь это уже не так смешно.

Эдди встал, прошел вперед между рядами кресел, посмотрел на табличку СВОБОДНО и открыл дверь.

– *Привет, Генри, великий мудрец и выдающийся наркоман, мой старший братец! В дополнение к разговору об определениях хочешь послушать мое толкование «поджаренного гуся»? Это если один из таможенников в аэропорту Кеннеди решит, что у тебя какая-то не такая рожа, или если твой полет приходится на один из тех дней, когда при них эти собаки ученые, которые вдруг начинают все разом лаять, и ссать на пол, и рваться с поводков, рискуя задохнуться от впившихся в горло ошейников... а базар-то весь из-за тебя, тебя они будут пытать-*

ся достать... а после того, как те парни с таможи перетряхнут твой багаж, тебя еще заведут в такую маленькую комнатку и спросят, не желаешь ли ты снять рубашку, а ты ответишь, что нет, не желаешь, я, мол, был тут на Багамах и подхватил небольшую простуду, а кондиционеры у вас прямо зверские, как бы простуда моя не перешла в пневмонию, а они тебе скажут: «Да неужели вы всегда так потеете при таких «зверских», как вы выражаетесь, кондиционерах, мистер Дин? В самом деле приносим свои извинения, черт подери, нам очень жаль, но придется вам все-таки снять рубашку». И ты снимаешь рубашку. «А теперь, пожалуйста, и футболку, а то вам, кажется, нездоровится, дружище, вот у вас и под мышками какие-то вздутия, не иначе как лимфатические узлы или еще чего». А ты даже им возразить не можешь, стоишь, как центровой на поле, который не видит смысла отбивать мяч, когда тот летит в сторону, и просто смотрит, как мяч уходит на трибуну, ибо, ничего не поделаешь, ушел так ушел, так что ты снимаешь футболку, и... «Батюшки, поглядите-ка, нет, парень, тебе повезло, это не опухоль, разве что только на теле общества, ха-ха-ха, эти штуковины больше похожи на пластиковые пакеты, прикрепленные скотчем, и, кстати, сынок, не волнуйся на-

счет запашка, это всего лишь «гусь». Он просто «поджаривается».

Не поворачиваясь, он запер дверь. Пятна света перед глазами теперь стали ярче. Двигатели самолета тихонько гудели. Он повернулся к зеркалу, чтобы посмотреть, насколько неважно он выглядит, и внезапно его охватило какое-то ужасное, проникающее до самых глубин нутра чувство: как будто за ним наблюдают.

«Эй ты, не психуй, успокойся, – сказал он себе, встревоженный. – Ты же вроде бы самый непробиваемый тип на свете и никогда не страдал паранойей. Поэтому-то и послали тебя. Поэтому...»

Внезапно ему почудилось, что глаза в зеркале – не его глаза, не орехово-зеленоватые глаза Эдди Дина, растопившие столько сердец, помогавшие пресловутому Эдди Дину, двадцати одного года от роду, раздвинуть столько прелестных ножек за последнюю треть его жизни, а совершенно чужие: не ореховые, а голубые, цвета линялых «левисов». Холодные, ясные, неожиданно острые, как будто бесстрастно оценивающие находящуюся перед ним цель. Глаза снайпера.

И еще он увидел – ей-богу, отчетливо увидел, – как в них отразилась чайка, устремившаяся вниз, к набегавшей волне, и выхватывающая что-то из воды.

Он еще успел подумать: *Что за дерьмо такое?* – и понял, что на этот раз его все-таки вырвет.

За какую-то долю секунды до того как его вывернуло, пока он еще не оторвал взгляда от зеркала, голубые глаза исчезли... но до этого он испытал странное ощущение, как будто в нем два человека... как будто он одержим, как та девочка из «Изгоняющего дьявола».

Он явственно ощутил у себя в мозгу присутствие чужого сознания и услышал чужую мысль не так, как человек слышит собственные свои мысли, а скорее как голос по радио: *«Я прошел. Я в воздушной карете»*.

Было что-то еще, но Эдди уже не расслышал, потому что был занят другим: старался блевать в раковину, производя при этом как можно меньше шума.

Он не успел еще вытереть рот, как вдруг с ним приключилось такое, чего с ним в жизни не случилось. На какой-то пугающий миг исчезло все, образовался провал во времени. Как небольшая аккуратная белая лакуна в газетной колонке.

Что это? – подумал Эдди беспомощно. *Что еще за дерьмо?*

А потом его снова стошнило. Может быть, даже и к лучшему. Что бы там ни говорили, у рвоты есть хотя бы одно, но действительно стоящее преимущество:

пока ты блюешь, ни о чем больше ты просто не можешь думать.

3

Я прошел. Я в воздушной карете, подумал стрелок, и уже через секунду: Он меня видит в зеркале!

Роланд подался назад. Не совсем ушел, но попятился, как, бывает, ребенок отступает в самый дальний конец длинной комнаты. Он находился внутри небесного экипажа и внутри какого-то человека. Внутри узника. В это первое мгновение, когда он подступил чуть ли не к самому «порогу» (он не знал, как это правильно описать), он очутился даже более чем внутри незнакомца – он почти стал этим человеком. Он чувствовал его болезненное состояние и знал, что его сейчас вырвет. А еще Роланд понял, что может не только чувствовать это тело, но и, при необходимости, управлять им. Он будет мучиться всеми его болячками, и обезьяноподобный демон, который его донимает, будет терзать и Роланда тоже, но, если ему будет нужно, он может им управлять.

А может и оставаться в своем мире незамеченным.

Когда у узника прошел приступ рвоты, стрелок рванулся вперед, на этот раз уже *переступив* через «порог». Он почти ничего не понимал в этой странной

ситуации, а действуя в ситуации, в которую не совсем врубаешься, можно нагородить таких дел, что потом сам рад не будешь, но Роланду необходимо было узнать две вещи. И эта отчаянная необходимость перевешивала боязнь любых последствий, пусть даже самых что ни на есть ужасных.

На месте ли дверь, через которую он покинул свой мир?

А если да, то где тогда его тело? Осталось у двери на берегу, ослабевшее, брошенное, может быть, умирающее, если уже не мертвое? Без души и сознания, покинувших тело, продолжает ли его сердце бездумно биться, дышат ли легкие, раздражаются ли нервы? А если тело его еще держится, то до ночи ему уж точно не дожить. Ночью на берег выползут омарообразные твари задать свои горестные вопросы и как следует пообедать.

Он быстро оглянулся назад, повернув голову, которая на мгновение стала его головой.

Дверь стояла на месте, у него за спиной. Стояла открытая в его мир, петли ее держались теперь за стальной косяк этой странной уборной. И – да – у двери лежал он, Роланд, последний стрелок. Лежал на боку, прижав перевязанную правую руку к животу.

Я дышу, подумал Роланд. Мне бы надо вернуться и переместить себя. Но сначала я сделаю кое-какие

дела. Сначала...

Он покинул сознание узника и отступил, выжидая, стараясь понять, заметил ли узник его присутствие.

4

Рвота уже прекратилась, но Эдди еще постоял над раковиной, крепко зажмурив глаза.

Кажется, я на секунду отрубился. Даже не знаю, что это было. Я что, оглядывался?

Он нащупал кран, пустил холодную воду и, не открывая глаз, побрызгал себе на лоб и щеки.

А потом, понимая, что дальше откладывать невозможно, осторожно открыл глаза и посмотрел в зеркало.

Из зеркала на него глядели его собственные глаза. Никаких чужих голосов в голове.

Никакого странного чувства, что за ним наблюдают.

«Ты на мгновение отрубился, Эдди, – пояснил ему великий мудрец и выдающийся наркоман. – Обычное дело для того, кто «остывает».

Эдди взглянул на часы. До Нью-Йорка полтора часа. Самолет сядет в 4.05 по восточному поясному времени, и времечко будет горячее. Проба сил.

Он вернулся на место. Джин уже ждал его на откидном столике. Он отпил пару глотков, и к нему подо-

шла стюардесса спросить, не нужно ли ему еще что-нибудь. Но едва он открыл рот, чтобы сказать «нет, спасибо», как вдруг опять на мгновение отрубился.

5

– Только чего-нибудь перекусить, пожалуйста, – сказал стрелок ртом Эдди Дина.

– Горячее подадут в...

– Я буквально умираю с голоду, – совершенно искренне проговорил стрелок. – Все, что угодно, хотя бы бутер...

– Бутер? – нахмурилась женщина в красной армейской форме, и внезапно стрелок заглянул в мозг узника. *Сандвич...* слово прозвучало словно издалека, тихо, как шорох в поднесенной к уху раковине.

– Сандвич хотя бы.

Женщина в форме как будто задумалась.

– Ну... у нас есть рыба, тунец...

– Было бы замечательно, – обрадовался стрелок, хотя в жизни не слышал о танцующей рыбе. Ну ладно, нищие не выбирают.

– Что-то вы бледный, – сказала женщина в форме. – Вы, наверное, плохо переносите полеты?

– Да нет, это просто от голода.

Она одарила его профессиональной улыбкой.

– Сейчас что-нибудь вам сварганим.

– *Сварганим?* – изумленно переспросил стрелок. В его мире слово «сварганить» означало на сленге «изнасиловать женщину». Ну да ладно. Сейчас принесут поесть. Роланд даже не знал, сможет ли он перенести сэндвич с танцующей рыбой обратно на берег, где лежало сейчас его тело, которому так нужна была пища... Но все по порядку, одно за другим.

Сварганить, подумал стрелок и тряхнул головой Эдди Дина, как будто не веря.

А потом отступил опять.

6

«Это все нервы, – уверил его великий оракул и выдающийся наркоман. – Непременный спутник постепенной завязки, младший братишка».

Но если это действительно нервы, тогда откуда эта странная сонливость – странная потому, что он сейчас должен быть взвинчен, испытывать зуд, ерзать, изнывая от желания почесаться, в преддверии настоящей ломки; даже если бы он сейчас не «остывал», как сказал бы Генри, то хотя бы тот факт, что ему предстоит протащить через таможню Соединенных Штатов два фунта рассыпухи – деяние, карающееся заключением на срок не менее десятки в федеральной

тюрьме, – казалось бы, должен был прогнать всякий сон, плюс еще эта временная отключка сознания.

Однако же спать хотелось.

Он отхлебнул еще джина и закрыл глаза.

С чего бы ты отрубился?

Хотя этого вовсе и не было, если бы что-то подобное произошло, она бы уже давно побежала за аптечкой первой помощи.

Значит, не отрубился, не провалился во мрак, а на секунду попал в пробел в сплошной линии бытия. Все равно дело плохо. Раньше такого не наблюдалось. Прибалдевал – это да, но никогда еще не оказывался в полной пустоте.

И с правой рукой что-то явно не то: ноет, как будто по ней стукнули молотком.

Он согнул ее, не открывая глаз. Никакой боли. Никакой дрожи. Никаких голубых глаз снайпера. А что до провалов в сознании, так они вызваны всего лишь мучительной комбинацией постепенной завязки и того мерзкого состояния, которое великий оракул и выдающийся – ну, вы понимаете кто – назвал бы хандрой контрабандиста.

«Но я, кажется, все равно засну. Это ты как объяснишь?»

Словно вырвавшийся из рук воздушный шарик, к нему подплыло лицо Генри. *«Не волнуйся, – сказал*

ему Генри. – С тобой все будет в порядке, братишка. Отсюда ты полетишь в Нассау, снимешь номер в «Аквинасе», а в пятницу вечером к тебе придет человек. Из приличных парней. Он все устроит, оставит тебе зелья. На уик-энд тебе хватит. В воскресенье вечером он принесет кокс, а ты отдашь ему ключ от депозитного сейфа. В понедельник утром ты исполнишь все, что сказал Балазар. Этот парень тебе поможет; он знает, как это делается. В понедельник днем ты вылетишь, с невинным видом минуешь таможду, а уже вечером мы с тобой будем уплетать бифштекс в «Игристом». Делов-то всего ничего, вот увидишь, братишка. Пустячок. Разговору больше».

Но на самом деле тут пахло жареным.

Загвоздка в том, что они с Генри были точно как Чарли Браун и Люси с той лишь только разницей, что иногда Генри отдавал бразды правления Эдди, такое нечасто, но все же случалось. Эдди даже подумал как-то в своем героиновом кайфе, что надо бы написать Чарльзу Шульцу. Уважаемый мистер Шульц, написал бы он. Вы все-таки немного не правы, что в последнюю секунду Люси ВСЕГДА перехватывает инициативу и Чарльз остается с носом. Ей хотя бы изредка нужно баловать его, но так, чтобы каждый раз это было для Чарли Брауна совершенно неожид-

данно, ну, вы понимаете. Иногда ей надо бы уступить ему три-четыре раза подряд, а потом целый месяц ничего подобного не делать, потом разок повторить трюк, потом – опять ничего пару дней, а потом... но вы, наверное, уже поняли, что я хочу сказать. Малыш ПО-НАСТОЯЩЕМУ заведется.

Эдди знал, что нужно сделать, чтобы малыш по-настоящему завелся.

Знал по опыту.

Один из приличных парней, сказал Генри, а пришло какое-то худосочное существо с желтушной мордой, британским акцентом, тонкими такими усиками, как в фильмах ужасов сороковых годов, и желтыми, скошенными внутрь зубами. Эдди они напомнили зубья старенького капкана.

– Ключ у тебя, босс? – спросил он, но из-за этого своего выговора выпускника английской частной привилегированной школы последнее слово прозвучало, как «бас».

– Ключ в порядке, – ответил Эдди. – Если я тебя правильно понял.

– Тогда давай мне.

– Нет, так мы не договаривались. Ты должен мне кое-что передать, чтобы мне хватило на выходные. А в воскресенье вечером ты должен сюда кое-что приволочь. Тогда я отдам тебе ключ. В понедельник ты

пойдешь в город и там уже заберешь что тебе надо. Я уж не знаю что. Не мое это дело.

Внезапно в руке желтушного существа возник маленький автоматический пистолет.

– А почему бы тебе не отдать его просто так, босс? Я сберегу себе силы и время, а ты сохранишь свою шкуру.

Несмотря на пристрастие к наркоте, Эдди Дин сохранил в себе крепкий стержень. Это знал Генри; и что важнее – это знал Балазар. Поэтому его и послали. Многие думали, что поехал он потому, что его хорошо прижало. И Эдди это знал, и Генри, и Балазар. Но только они с Генри понимали, что он все равно бы поехал, даже если бы он завязал с этим делом и был бы чист как стекло. Ради Генри. Балазар бы до этого не додумался, но к чертям Балазара.

– А почему бы тебе не убрать эту штуку, засраец? – любопытствовал Эдди. – Или ты добиваешься, чтобы Балазар прислал сюда какого-нибудь громилу, который повыворивает тебе глазенки ржавым ножичком?

Желтушное существо улыбнулось. Пистолет исчез как по волшебству, а на его месте возник маленький сверточек. Он протянул его Эдди.

– Шутка, ты ж понимаешь.

– Как скажешь.

– Увидимся в воскресенье вечером.

Он повернулся к двери.

– По-моему, тебе лучше не спешить.

Желтушное существо обернулось, брови его поползли вверх.

– Ты что же, думаешь, я не смогу уйти, если мне так захочется?

– Я думаю, если ты сейчас выйдешь отсюда, а в свертке окажется дерьмо, я завтра отчалю. И ты очутишься в глубоком дерьме.

Желтушное существо надулось и присело на единственный в комнате стул, а Эдди тем временем открыл сверток и отсыпал на стол немного коричневого порошка. Смотрелся он гадостно. Эдди взглянул на желтушное существо.

– Я знаю, что оно выглядит как дерьмо, но это только с виду, – проговорило желтушное существо. – Товар хороший.

Эдди вырвал листок бумаги из блокнота на столе и насыпал на него немного коричневого порошка из кучки. Он взял на палец чуть-чуть порошка и натер им нёбо, но тут же выплюнул все в мусорную корзину.

– Тебе жить надоело? Я правильно понимаю? Каково твое последнее желание?

– Это все, что есть, – еще больше надулось желтушное существо.

– У меня припрятана заначка на завтра, – солгал Эдди, уверенный, что у желтушного существа не хватит силенок проверить его. – Я решил заpastись на случай, если на встречу придет какой-нибудь козел вроде тебя. Я в общем-то и не сержусь. Так даже лучше. Я не создан для таких дел.

Желтушное существо призадумалось. Эдди тоже сел и полностью сосредоточился на том, чтобы не сделать лишних движений. Но ощущение было такое, словно он весь в движении: как будто он скользил и крался, дрыгался и скакал, расчесывал свои царапины и хрустел пальцами. Он даже поймал себя на том, что глаза его так и косятся на кучку коричневого порошка, хотя он понимал, что это – яд. Он принял дозу сегодня утром, ровно в десять, и прошло уже десять часов. Но если он выдаст себя каким-нибудь неосторожным движением, тогда ситуация круто изменится. Желтушное существо не просто сидело задумавшись, оно наблюдало за ним, пытаясь определить, блефует он или нет.

– Может, я бы и смог чего-нибудь надыбать, – проговорило оно наконец.

– Тогда почему бы тебе не попробовать? – спросил Эдди. – А то уже скоро одиннадцать: я выключу свет и повешу на дверь табличку «НЕ БЕСПОКОИТЬ», и если кто-нибудь после этого постучится в дверь, я по-

звоню портье, скажу, что ко мне кто-то ломится, и попрошу прислать охранника.

– Козел, – выдало существо со своим безупречным британским акцентом.

– Нет, – возразил Эдди, – ты ждал, что пришлют козла. А прислали меня. И у меня все схвачено. А вот ты точно засранец, и если к одиннадцати ты не вернешься с чем-нибудь удобоваримым – не обязательно чем-то выдающимся, всего лишь с тем, что безопасно для жизни, – то вместо просто засранца ты станешь мертвым засранцем.

7

Желтушное существо вернулось задолго до одиннадцати часов. В половине десятого. Эдди решил, что другой порошок был все время при нем, а точнее, в машине.

На этот раз порошка было чуть-чуть побольше. Не чисто-белого, но хотя бы цвета слоновой кости, что уже вселяло надежду.

Эдди попробовал. Вроде бы ничего. На самом деле гораздо лучше, чем ничего. Даже, можно сказать, отлично. Эдди свернул доллар в трубочку и втянул в себя нюхту.

– Ну, значит, до воскресенья, – оживленно пробормо-

мотало желтушное существо, поднимаясь со стула.

– погоди, – окликнул его Эдди так, как будто это у него была пушка. В каком-то смысле она была. Его оружие – Балазар. Энрико Балазар, крупнокалиберный дробовик в нью-йоркском чудесном мире наркотики.

– Опять годить?! – Желтушное существо обернулось и посмотрело на Эдди как на чокнутого. – Теперь с какой радости?

– Слушай, я тут подумал, если мне вдруг поплохеет с этой дряни, которую я сейчас принял, ведь это будет абзац. А если я кончусь, то – полный абзац. Но если мне только *чуть-чуть* поплохеет, я дам тебе еще один шанс. Знаешь, как в той сказке про парня, который тер лампу и получил возможность загадать три желания.

– С этого не поплохеет. Это китайский белый.

– Если это китайский белый, тогда я Дуайт Гуден.

– Кто?

– Хрен в пальто.

Желтушное существо снова уселось на стул. Эдди сидел за столом над кучкой белого порошка (предыдущий товар, Д-Кон, или что там было, он давно уже спустил в унитаз). По телику «Храбрецы» продувались «Ретивым», спасибо Дабл-ю-ти-би-эс и спутниковой антенне на крыше отеля «Аквинас». Где-то

в глубине сознания возникло слабое ощущение покоя... но это только казалось, на самом же деле оно исходило – Эдди читал об этом в медицинском журнале – из пучка крестцовых нервов, в которых и начинается героиновая зависимость, когда они неестественно утолщаются при постоянных приемах доз.

«Хочешь быстро излечиться? – однажды спросил он у брата. – Сломай себе позвоночник, Генри. Правда, ноги не будут двигаться, а заодно и член, но зато сразу слезешь с иглы».

Генри ответил, что это совсем не смешно.

Сказать по правде, Эдди и сам не видел в таком выходе ничего смешного. Если единственный быстрый способ избавиться от обезьяны, которая села тебе на шею, – это сломать себе хребет выше пресловутого пучка нервов, значит, обезьяна засела крепко. И это не капуцин, не симпатичный маленький талисманчик на капоте машины, а здоровенный и злобный бабуин.

У Эдди заложило нос.

– Ладно, – чуть погодя сказал он. – Это сойдет. Можешь освободить помещение, засранец.

Желтушное существо поднялось со стула.

– У меня есть друзья, – сообщило оно. – Если я им скажу, они могут сюда заявиться, и тогда тебе не поздоровится. Ты будешь умолять меня на коленях, чтобы я забрал ключик.

– Только не я, приятель. Только не этот мальчик, – улыбнулся Эдди. Он не знал, как эта улыбка смотрелась со стороны, но, наверное, все-таки не совсем дружелюбно, потому что желтушное существо пулей вылетело из номера, ни разу не оглянувшись.

Когда Эдди Дин убедился, что оно больше уже не вернется, он забалдел.

Откинулся.

Уснул.

8

И сейчас тоже засыпал.

Стрелок, каким-то чудесным образом проникший в сознание этого человека (человека, чьего имени он до сих пор не знал; то ничтожество, которое узник мысленно называл «желтушным существом», тоже не знало его и поэтому ни разу не произнесло), следил не отрываясь за происходящим, как давным-давно в детстве, когда мир еще не сдвинулся с места, замороженно смотрел спектакли. Стрелку пришло на ум именно это сравнение, потому что, кроме театральных постановок, он ничего в своей жизни не видел. Если бы он видел фильмы, он скорее сравнил бы свое ощущение с просмотром киноленты. Представления же о тех вещах, которые Роланду прежде знать не до-

водилось, он мог извлекать из сознания узника, потому что ассоциации были понятными, а вот имени он выяснить не сумел. Он узнал имя брата узника, а имя самого узника – нет. Но, с другой стороны, имена – это тайна, исполненная силы.

И к тому же сейчас имя не самое важное. А важно, во-первых, то, что человек этот ослаб от своей пагубной привычки, а во-вторых, что под слабостью этой таится сталь – как хороший револьвер, затянутый зыбучим песком.

Стрелок почувствовал укол боли: этот парень напомнил ему Катберта.

Кто-то подходил. Узник спал и ничего не слышал. Стрелок же не спал и был настороже. Он снова подался к «порогу».

9

Потрясающе, подумала Джейн. Он говорит, что умирает с голоду, и я бегу делать ему что-нибудь на скорую руку, ведь он такой милый, а когда возвращаюсь, он спит.

И вдруг пассажир – парень лет двадцати, высокий, в чистых, слегка полинявших джинсах и пестрой рубашке – приоткрыл глаза и улыбнулся ей.

– *Благодарствуйте,* – сказал он... или так ей по-

слышалось. Какое-то странное слово, архаичное... или иностранное. Наверное, разговаривает во сне.

– Не за что. – Она одарила его своей лучшей профессиональной улыбкой стюардессы, уверенная, что он сейчас же опять уснет, а сэндвич так и будет лежать нетронутым, пока не подадут горячее.

Ну ладно, тебя же учили, что такое случается, верно?

Она вернулась в кухонный отсек, чтобы перекурить.

Она зажгла спичку, поднесла ее к сигарете и вдруг остановилась, так и не прикурив, потому что ее учителя предусмотрели не все.

Мне он показался симпатичным. Преимущественно из-за глаз. Карих глаз.

Но только что пассажир в кресле За приоткрыл глаза, и они были не карими, а голубыми! И вовсе не привлекательно-сексуальными, как, скажем, у Пола Ньюмена, а холодными, цвета айсберга. Они...

– Ой!

Спичка догорела, огонек обжег пальцы. Она тряхнула рукой.

– Джейн? – спросила Паула. – Что с тобой?

– Ничего. Замечталась.

Она зажгла еще одну спичку и на этот раз прикурила. После первой затяжки ей пришло в голову единственное обоснованное и разумное объяснение. Кон-

тактные линзы. Конечно. Того типа, что изменяют цвет глаз. Он ходил в туалет. И оставался там очень долго, она даже забеспокоилась, уж не укачало ли его: он был такой бледный, со стороны могло показаться, что ему нездоровится. А он просто снимал контактные линзы, чтобы было удобнее спать. Вполне резонно.

«Бывает, ты что-то почувствуешь, – внезапно раздался в голове голос из недавнего прошлого. – Тебя станет преследовать какое-то свербящее ощущение. Ты заметишь, будто что-то чуть-чуть не так».

Цветные контактные линзы.

Джейн Дорнинг лично знала дюжины две людей, которые носили контактные линзы. И большинство работали на авиалиниях. Никто прямо об этом не говорил, но Джейн догадывалась о причине: пассажирам не нравится, когда кто-то из экипажа носит очки: это их нервирует.

Из этих двух дюжин человек четверо носили цветные линзы. И уж если простые контактные линзы стоят недешево, то можно представить, во сколько обходятся цветные. Из всех знакомых Джейн такие денежки на себя выложили только женщины, и притом исключительно тщеславные.

Ну и что? Парни тоже бывают тщеславными. Почему бы и нет? Он красивый.

Нет. Красивый – сильно сказано. Скорее миловидный, но не более того; и с таким бледным лицом своей привлекательностью он обязан разве что хорошим зубам. Тогда зачем ему контактные линзы?

Многие пассажиры боятся летать.

В наши дни, когда в мире полно террористов, налетчиков и наркоманов, экипаж самолета боится своих пассажиров.

У нее в голове звучал голос инструкторши из летной школы, этакой прожженной крутой бой-бабы, старой воздушной волчицы: *«Если возникли какие-то подозрения, не надо сразу их отмечать. Даже если вы вдруг забудете, как надо вести себя с предполагаемыми или явными террористами, это вы должны помнить всегда: если возникли какие-то подозрения, к ним надо прислушаться. Иной раз бывает, что экипаж потом утверждает, будто у них ничего такого и в мыслях не было, пока парень не вынул гранату и не приказал лететь на Кубу, иначе он все здесь разворотит. Но обычно всегда находится человека два-три (и чаще всего стюардессы, кем вы, девочки, станете через месяц), которые признаются, что они что-то почувствовали, что их не оставляло какое-то свербящее ощущение, будто что-то явно не так с парнем в кресле 91с или с девицей в 5а. Они что-то почувствовали, но ничего не предприня-*

ли. Им что-то за это будет? Конечно, нет. Нельзя же заламывать руки парню только за то, что, скажем, тебе не понравилось, как он расчесывает свои прыщи. Проблема в другом: они почувствовали что-то... а потом забыли об этом напрочь».

Старая воздушная волчица назидательно подняла короткий палец. Джейн Дорнинг и ее сокурсницы с благоговением внимали каждому ее слову: «Если у вас вдруг появилось это свербящее ощущение, делать ничего не надо... но это не значит, что надо забыть. Потому что всегда есть шанс, пусть даже минимальный, что вам удастся предотвратить беду до того, как она разразится... чтобы, скажем, не засесть дней на двадцать на аэродроме какой-нибудь сраной арабской страны».

Просто цветные линзы, и все же...

Благодарствуйте.

Он разговаривал во сне? Или по рассеянности перепутал и заговорил на другом языке?

Джейн решила понаблюдать за ним.

Она приглядит за ним.

Она не забудет.

10

Пора, подумал стрелок. Сейчас мы посмотрим,

да?

Он сумел выйти из своего мира и войти в это тело через дверь на берегу. Теперь нужно выяснить, можно ли что-нибудь перенести отсюда обратно в свой мир. Про себя он не думал. Роланд ни на мгновение не усомнился в том, что, как только понадобится, он сумеет вернуться в свое отравленное заражением, ослабевшее тело. Но вещи? *Физические* предметы? Вот, к примеру, на столике перед ним еда: женщина в красной форме назвала это сэндвичем с танцующей рыбой. Стрелок не знал, что такое танцующая рыба, но бутер признал сразу, как только увидел, хотя с виду он вроде бы был непрожарен. Странно.

Его тело нуждалось в пище, а потом ему потребуется вода, но больше всего его телу необходимо сейчас лекарство, иначе оно умрет от укуса омарообразной твари. В этом мире должно существовать такое лекарство; в мире, где кареты летают в небе выше любого орла, казалось, не было ничего невозможного. Но ему не помогут и самые лучшие снадобья этого мира, если их нельзя будет пронести через дверь в его мир.

«Ты можешь жить в этом теле, стрелок. – Шепоток человека в черном поднялся из самых глубин сознания. – Брось ты этот еле дышащий кусок мяса, пусть им займутся омары. Все равно это лишь оболочка».

Он никогда не пойдет на это. Во-первых, остаться в чужом теле – значит совершить самое страшное воровство, потому что стрелок знал: он не сможет довольствоваться ролью пассивного пассажира, не сможет просто сидеть, глядя из глаз этого человека, как из окна кареты, на проплывающие мимо пейзажи и сцены.

А во-вторых, он Роланд. Если ему суждено умереть сейчас, он умрет Роландом. Он умрет на дороге к Башне, приближаясь к ней ползком, если нельзя иначе.

А потом в нем опять заговорила та грубоватая практичность, которая, как тигр с косулей, уживалась в душе стрелка с романтическим началом. Рано думать о смерти – он еще даже и не приступил к своему эксперименту.

Бутер состоял из двух половинок. Он взял по каждой в руку, открыл глаза узника и огляделся. Никто на него не смотрел (хотя в кухонном отсеке о нем очень активно думала Джейн Дорнинг).

Роланд повернулся к двери и шагнул в проем, держа в руках по половинке бутера.

11

Сначала Роланд услышал скрежещущий шум вол-

ны, набегающей на гальку, потом – крики птиц, поднявшихся с ближайших камней, когда он попытался сесть (*ублюдки трусливые, надо ж, слетелись уже; скоро-скоро они на меня накинутся, станут растаскивать меня по кусочкам, а я еще буду дышать или уже нет. Вылитые стервятники, только перья у них цветные*). И вдруг до него дошло, что половинка бутера, та, что в правой руке, упала на песок, потому что, проходя через дверь, он держал ее здоровой рукой, а теперь держит, вернее держал, рукой, искалеченной процентов на сорок.

Он неуклюже поднял половинку бутера, зажав ее между большим пальцем и безымянным, как мог, отряхнул от песка, осторожно откусил кусочек на пробу и уже через секунду с жадностью набросился на еду, не замечая скрипевших у него на зубах песчинок, а еще через пару секунд принялся за вторую половинку, умяв ее за три укуса.

Стрелок не знал, что такое танцующая рыба, но на вкус она была изумительной. А остальное уже не важно.

12

Никто в самолете не видел, как исчез сэндвич с тунцом. Никто не видел, как Эдди Дин вцепился в обе его

половинки с такой силой, что по вмятинам на белом хлебе можно было снимать отпечатки пальцев.

Никто не видел, как сэндвич сначала стал прозрачным, а потом и совсем исчез, оставив после себя только несколько крошек.

Секунд через двадцать после того как он испарился, Джейн Дорнинг затушила в пепельнице сигарету и выглянула из кабины, чтобы взять книгу из рюкзака, но на самом-то деле ей просто хотелось еще раз взглянуть на За.

С виду он крепко спал... но сэндвич исчез.

Боже, подумала Джейн, он не съел его, а проглотил целиком. И опять спит? Вы что, издеваетесь?

Свербящее чувство по отношению к За, мистери Вот-мы-карие-а-вот-голубые, стало еще сильнее. Что-то с ним было не так.

Что-то не так.

Глава 3

Знакомство и приземление

1

Эдди проснулся, разбуженный объявлением второго пилота, что минут через сорок пять они приземлятся в Международном аэропорту Кеннеди, где видимость идеальна, ветер западный, скорость ветра десять миль в час, температура двадцать один по Цельсию. Закончив с объявлением, пилот добавил еще, что, пользуясь случаем, хочет поблагодарить всех пассажиров за то, что они выбирают компанию «Дельта».

Эдди огляделся. Пассажиры вокруг проверяли свои таможенные декларации и свидетельства о гражданстве – для прибывших из Нассау достаточно было водительских прав или кредитной карточки любого американского банка, но большинство пассажиров все же брали с собой паспорта. Эдди почувствовал вдруг, как внутри у него натягивается стальной провод. Он поверить не мог, что спал, да еще так крепко.

Он встал и прошел в туалет. Пакеты с коксом у него под мышками как будто сидели легко и плотно, так же

аккуратно прилегая к изгибам подмышечных впадин, как и в номере отеля, где их прикрепил клейкой лентой тихий американец по имени Вильям Вильсон. По завершении операции по приклеиванию пакетов этот парень, чье имя прославил По (правда, когда Эдди отпустил какую-то шутку по этому поводу, Вильсон лишь тупо взглянул на него, явно не врубившись), протянул ему рубашку: обычную пеструю рубашку, чуть-чуть полинялую, какую мог бы напялить всякий студентик, возвращающийся на самолете с коротких предэкзаменационных каникул... Только эта была специального кроя, скрывающего странные вздутия под мышками.

– Проверь еще раз перед посадкой, просто на всякий случай, – сказал ему Вильсон, – но я уверен, все будет в порядке.

Эдди не знал, как оно выйдет, но у него была еще одна уважительная причина повидаться с толчком прежде, чем загорится надпись «ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ». Несмотря на все искушения – а вчера под утро искушение превратилось уже в жгучую потребность, – он сумел продержаться на остатках того рафинада, который желтушное существо имело наглость обозвать «китайским белым».

Пройти таможенню пассажирам из Нассау гораздо проще, чем тем, кто прилетел, скажем, с Гаити, или

из Куинене, или из Боготы, но все же на таможене служат наблюдательные ребята. Подготовленные ребята. Нужно держать ухо востро. Срезаться можно на чем угодно, одна ошибка, один просчет – и ку-ку.

Он нюхнул порошок, скомкал бумажку, в которую тот был завернут, спустил ее в унитаз и тщательно вымыл руки.

«Конечно, если ты оплошаешь, то сам ничего не заметишь, так? – сказал он себе. – Но – нет. Я сделаю все, как надо. И нечего так психовать».

Возвращаясь к своему креслу, он увидел ту самую стюардессу, которая подала ему джин; кстати, он так его и не допил. Она улыбнулась ему. Он улыбнулся в ответ, сел на место, пристегнул ремень, взял журнал, полистал его, тупо глядя на слова и картинки. Ничего особенного. Внутри у него стальной провод натянулся еще сильнее, а когда загорелась надпись «ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ», он обвил нутро Эдди двойным тугим кольцом.

Героин подействовал, и доказательство тому – заложенный нос, но, если честно, Эдди даже не почувствовал этого.

Но зато он хорошо почувствовал другое: незадолго до приземления он опять пережил очередной провал в пустоту... короткий, но вполне определенный.

«Боинг-727» снижался над заливом Лонг-Айленда.

2

В салоне бизнес-класса Джейн Дорнинг помогала Питеру и Анне разносить напитки, и как раз в это время парень, похожий на студента, прошел в уборную первого класса.

Так получилось, что, когда он возвращался на место, Джейн раздвинула занавеску между салонами первого класса и бизнес-класса. Увидев его, она не задумываясь ускорила шаг и улыбнулась ему, чтобы он посмотрел на нее и улыбнулся в ответ.

Глаза его снова стали карими.

Ладно. Все в порядке. Когда ему захотелось вздремнуть, он сходил в туалет и снял линзы, а теперь снова надел их. Боже мой, Дженни! Ты просто мнительная трусиха!

Да нет, на нее это не похоже. Она не могла сказать, что конкретно ее не устраивает, но это не просто мнительность.

Он слишком бледный.

Ну и что? На свете тысячи слишком бледных людей, включая твою же маму с тех пор, как зашалил ее желчный пузырь.

У него привлекательные голубые глаза – может быть, не такие соблазнительные, как в карих линзах, –

но все-таки привлекательные. И зачем тогда тратить такие деньги?

Ему просто нравится карий цвет глаз. Приемлемо?

Нет.

Незадолго до последней перепроверки и включения надписи ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ она сделала одну вещь, которую прежде ни разу не делала. На это ее подвигли наставления старой многоопытной инструкторши. Джейн наполнила термос горячим кофе и закрыла его красной пластиковой крышкой, не заткнув горлышко пробкой. Крышку она завинтила до первого витка резьбы, чтобы она только-только держалась.

Сюзии Дуглас уже делала последние объявления, обращаясь к пассажирам-растяпам с просьбой погасить сигареты, убрать свои вещи с откидных столиков, проверить еще раз свои декларации и паспорта; сообщая, что в аэропорту их встретит представитель авиакомпании «Дельта» и что уже пора вернуть стюардессам чашки, стаканы и наушники.

Странно, что мы им еще не предлагаем проверить, не наделал ли кто в штаны, рассеянно подумала Джейн. Внутри у нее тоже натянулся стальной провод, обвив желудок тугим кольцом.

– Замени меня, – сказала Джейн, когда Сюзии повесила микрофон.

Сюзии поглядела на термос, потом – на лицо Джейн.

– Джейн? Тебе что, плохо? Ты вся побелела, как...

– Нет, мне не плохо. Заменя меня. Когда вернешься, я все объясню. – Джейн бросила взгляд на откидные кресла у левого выхода. – А пока что я займусь общим наблюдением.

– Джейн...

– *Заменя меня.*

– Ну хорошо, – сказала Сюзии. – Хорошо, Джейн. Нет проблем.

Джейн опустилась на ближайшее к проходу откидное кресло.

Держа термос двумя руками, она даже не попыталась пристегнуть ремень. Чтобы не перевернуть термос, ей нужны были обе руки.

Сюзии думает, что я чокнулась.

Хорошо, если так.

Если капитан Макдоналд приземлится жестко, у меня все руки будут в волдырях.

Но надо рискнуть.

Самолет снижался. Пассажир кресла За, человек с бледным лицом и двухцветными глазами, внезапно нагнулся и вытащил из-под сиденья дорожную сумку.

Вот оно, подумала Джейн. Сейчас он достанет свою гранату, или автомат, или что там у него.

Как только Джейн это увидела, она едва не сняла

с термоса красную крышку своими немного подрагивающими руками. Как бы он удивился, этот «друг Аллаха», когда он покатился бы по проходу самолета авиакомпании «Дельта», рейс 901, хватаясь руками за обожженное лицо!

За расстегнул «молнию» на сумке.

Джейн приготовилась.

3

Стрелок подумал, что человек этот, узник он там или нет, лучше всего искушен в тонком искусстве выживания, чем кто бы то ни было в этой воздушной карете. Остальные же большей частью были самыми настоящими олухами, а те, что производили впечатление вполне приспособленных, тоже казались открытыми, беспечными, в общем, очень неосторожными. Лица их, лица испорченных, избалованных детей, выдавали людей, которые если и станут сражаться, то прежде, чем вступить в бой, будут долго и нудно скулить. Можно выпустить им кишки прямо на их же ботинки, а они поглядят на тебя перед смертью даже не с яростью или болью, а с тупым изумлением.

Узник все-таки лучше... но и он недостаточно хорош. Недостаточно.

Женщина в армейской форме. Она что-то заме-

тила. Не знаю что, но она заметила что-то неладное. Она за ним наблюдает. На других она так не смотрит.

Узник сел. Поглядел на книжку в истрепанном переплете. На обложке стрелок разобрал название – что-то вроде «Магда-ясновидающая», правда, кто такая эта Магда и что она видит, Роланда ни капли не заботило. Стрелку совсем не хотелось глядеть на книгу, пусть даже и на такую занятную, – ему хотелось смотреть на женщину в униформе. А больше всего – проявить себя и взять ситуацию под контроль. Но он все же сдержался... по крайней мере на этот раз.

Узник куда-то ехал и вез с собой зелье. Не то снадобье, которое он сам принял в уборной, и не то, которое нужно было стрелку, чтобы вылечить свое ослабевшее тело, а то, которое запрещено законом и потому очень дорого стоит. Он отдаст это зелье своему брату, а тот уже – какому-то Балазару. Сделка будет закончена, когда этот Балазар отдаст им взамен другое зелье, которое принимают они, – но это только в том случае, если узник сумеет правильно совершить ритуал, абсолютно стрелку неизвестный (в таком странном мире, как этот, должно быть, много всяких странных ритуалов). Этот называется «пройти таможду».

Но женщина следит за ним.

Интересно, может ли она помешать ему «пройти та-

можно»? Роланд решил, что, вероятно, да. А что потом? Тюрьма. А если узник попадет в заточение, то Роланду уже негде будет достать лекарство, необходимое его зараженному телу, которое сейчас умирает.

«Он должен «пройти таможню», – сказал себе Роланд. – Должен пройти. И должен поехать со своим братом к этому Балазару. Это не входит в их план, брату вряд ли такое понравится, но он должен поехать с ним».

Потому что этот человек, который имеет дело со снадобьями, должен знать, как исцелять болезни... или знать какого-нибудь целителя. Человек этот выслушает его, а потом... может быть...

«Он должен «пройти таможню», – повторил про себя стрелок.

Ответ был таким простым, таким очевидным и близким, что Роланд едва его не проглядел. Это именно из-за зелья, которое Узник провозит тайно, ему будет трудно совершить ритуал «прохождения таможни». Ну конечно! Там у них, наверное, есть своего рода оракул, к которому водят всех подозрительных личностей. А для всех остальных, рассудил Роланд, церемония «прохождения» столь же проста, как переход границы дружественного королевства в его собственном мире – нужно лишь сделать знак, что ты присягаешь на верность монарху этого королевства, простой

символический жест, и можешь спокойно проходить.

Он *способен* переносить предметы из мира Узника в свой собственный, и доказательство тому – бутер с танцующей рыбой. Точно так же он заберет и мешочки с зельем. Узник «пройдет таможеню». А потом Роланд вернет ему груз.

Сможешь?

Вопрос действительно интересный. Стрелок даже отвлекся от потрясающего вида расстилающейся внизу воды... они летели теперь над огромным океаном и уже поворачивали к береговой линии. Вода становилась все ближе и ближе. Воздушная карета спускалась к земле (взгляд Эдди был беглым, поверхностным; взгляд стрелка изумленным, как у ребенка, который впервые увидел, как падает снег). Он может *переносить* предметы из этого мира в свой. Это он знает точно. А вот обратно? Этого он не знал. Это еще предстояло выяснить.

Стрелок опустил руку Узнику в карман, сжал пальцами Узника монетку.

И вышел через дверь к себе на берег.

4

Когда он сел, птицы улетели прочь. На этот раз они не отважились подойти так близко. Все тело боле-

ло, его лихорадило, мутило... И все-таки удивительно, как его оживил малюсенький кусочек пищи.

Он посмотрел на монетку, которую принес с собой: похоже на серебро, но красноватая полоска по краю наводила на мысль, что это какой-то другой, не такой благородный металл. На одной стороне – профиль мужчины с лицом, выражающим благородство, отвагу и упорство. Его волосы, завитые и собранные на затылке в хвост, выдавали некоторое тщеславие. Роланд перевернул монетку и так изумился, что даже невольно вскрикнул – сухо и хрипло.

На другой ее стороне он увидел орла – герб, украсивший его собственное знамя в те далекие времена, когда были еще королевства и знамена, их символизирующие.

Время поджимает. Возвращайся. Быстрее.

Но он задержался еще на секунду, чтобы подумать. Думать собственной головой было гораздо труднее – голова Узника, правда, тоже была не совсем чтобы ясной, но его сознание по крайней мере сейчас работало лучше в ней.

Пронести монетку обратно – это лишь половина эксперимента.

Он вынул из патронташа один патрон и зажал его в кулаке вместе с монетой.

Роланд шагнул через дверь.

5

Монета Узника снова была в кармане, плотно зажатая в кулаке. Чтобы проверить, здесь ли патрон, ему даже не нужно было *переступить «порог»*. Роланд и так знал, что патрон пронести он не смог.

Но он все равно на секундочку *переступил «порог»*, потому что ему нужно было узнать одну вещь. Нужно было *увидеть*.

Он обернулся, как бы для того, чтобы поправить какую-то бумажную штуку на спинке кресла (боги всевышние, сущие на небесах, в этом мире бумага *повсюду!*), и поглядел через дверь. Его тело, как и прежде, лежало на берегу, только теперь тонкая струйка крови сочилась из пореза на щеке: должно быть, когда он сюда проходил, его тело, падая, ударилось о камень.

Патрон, который он держал в кулаке вместе с монетой, лежал на песке перед самой дверью.

Ну что же, теперь он знал хотя бы это. Узник сможет «пройти таможду». Пусть даже стражники-наблюдатели обыщут его с головы до ног, от задницы до ушей и обратно.

Они ничего не найдут.

Стрелок, успокоившись, отступил. Он не знал еще,

что проблема гораздо сложнее, чем он себе ее представлял.

6

«Боинг-727» ровно и плавно снижался над соляными топями Лонг-Айленда, оставляя за собой закопченный хвост отработанного топлива. С грохотом вышли шасси.

7

За, человек с двухцветными глазами, резко выпрямился, и Джейн увидела – действительно увидела – у него в руках курносый «узи», и только потом до нее дошло, что это всего лишь его таможенная декларация и маленькая сумочка на «молнии», в которой некоторые мужчины носят свои документы.

Самолет приземлился мягко, как шелковый платок. Джейн передернула плечами и закрутила красную крышку термоса.

– Теперь можешь звать меня идиоткой, – понизив голос, сказала она Сюзи, пристегивая ремень, хотя это надо было бы сделать раньше. До этого, при заходе на посадку, она рассказала Сюзи о своих подозрениях, чтобы та тоже была наготове. – И будешь права.

– Нет, – возразила Сюзи. – Ты все сделала правильно.

– Немногохватила лишку. С меня теперь ужин.

– Да уж, от тебя дождешься. И не смотри на него. Смотри на меня. *Улыбнись*, Дженни.

Джейн улыбнулась. Кивнула. Спросила себя, что, черт возьми, происходит.

– Ты пялилась на его руки, – сказала Сюзи и рассмеялась. Джейн тоже. – А я смотрела на то, что случилось с его рубашкой, когда он нагнулся за сумкой. У него там под мышками столько всего, что можно снабдить целый отдел галантереи «Вулворта». Только, мне кажется, то, что он везет, вряд ли купишь в «Вулворте».

Джейн запрокинула голову и снова расхохоталась, чувствуя себя какой-то марионеткой.

– Что будем делать? – Сюзи была старше ее на пять лет, и Джейн, которой еще минуту назад казалось, что она худо-бедно, но все-таки контролирует ситуацию, теперь испытывала только радость оттого, что Сюзи рядом.

– *Мы* — ничего. Когда будем заруливать на стоянку, нужно сказать капитану. Он свяжется с таможней. Друг твой встанет в очередь, как и все пассажиры, а потом придут ребята и вежливо препроводят его из очереди в какую-нибудь комнатку. Первую,

как мне сдается, в долгом ряду комнатушек, для него предназначенных.

– Боже мой. – Джейн улыбалась, но ее бросало то в жар, то в холод.

Когда тормозные двигатели начали стихать, она отстегнула ремень, сунула термос Сюзи, встала и постучала в кабину пилота.

Не террорист, а контрабандист – провозит наркотики. Слава Богу, что не первое. И все-таки ей было капельку жаль его. Он был такой симпатичный.

Не то чтобы очень, но все же.

8

Он так и не видит, подумал стрелок с яростью и нарастающим отчаянием. *Боги всевышние!*

Эдди нагнулся, чтобы достать бумаги, необходимые для ритуала, а когда выпрямился, Роланд заметил, что на него смотрит женщина в униформе: глаза выпучены, щеки белые, как эта бумажная штучка на спинке кресла. Серебряная трубка с красной крышкой, которую он поначалу принял за большую флягу, очевидно, была оружием. Она держала ее вертикально, прижав к груди. Роланду показалось, что она вот-вот швырнет эту штуку в Узника или снимет красную крышку и начнет стрелять.

Но она расслабилась и застегнула ремень, хотя и стрелок, и Узник – оба услышали глухой удар, означавший, что воздушная карета уже приземлилась. Потом повернулась к другой женщине в форме, которая сидела рядом, и что-то сказала. Та рассмеялась и кивнула. Стрелок, однако, подумал, что если смех этот искренний, тогда он – речная жаба.

Стрелок удивлялся, как человек, чье сознание стало теперь временным вместилищем для его *ка*³, может быть таким глупым. Частично, конечно, из-за зелья, которое он принимает... аналога бес-травы в этом мире. Но только частично. Он не такой мягкотелый, беспечный и ненаблюдательный, как другие, но со временем вполне может стать таким.

Они такие, какие есть, потому что живут при свете, внезапно открылось стрелку. Свет этот – цивилизация, которой тебя учили поклоняться. Они живут в мире, который не сдвинулся с места.

И если в мире, исполненном света, люди становятся такими рохлями, Роланд, наверное, предпочел бы тьму. «Так было, пока мир не сдвинулся с места», – говорили в его мире с ностальгической грустью... но, может, это была безотчетная, бездумная грусть.

Она боялась, что я/он собрался достать оружие, когда я/он наклонился, чтобы взять бумаги. Увидев

³ Ка – в египетской мифологии одна из душ человека.

бумаги, она расслабилась и начала заниматься всем тем, чем обычно занимаются все, когда воздушная карета садится на землю. Сейчас она разговаривает со своей подругой. Они смеются, но лица у них – и особенно ее лицо, лицо женщины с металлической трубкой – какие-то не такие. Да, они разговаривают, но лишь делают вид, что смеются... и это все потому, что они говорят обо мне/о нем.

Теперь воздушная карета ехала по какой-то длинной бетонной дорожке, каких было много на поле. В основном стрелок смотрел на женщин, но краем глаза он все-таки заметил и другие воздушные дилижансы, катившие по другим дорожкам. Одни тяжело громыхали, двигались медленно и неуклюже; другие мчались с невообразимой скоростью и, готовясь взлететь в небеса, были больше похожи не на кареты, а на снаряды, выпущенные из револьвера или из пушки. Роланд находился в отчаянном положении, и так же отчаянно ему хотелось *переступить «порог»* и повернуть эту голову, чтобы получше рассмотреть экипажи, взмывающие в небеса. Их сделали люди, но они были сказочными, неправдоподобными, как легенды о таинственных крылатых существах, которые предположительно жили когда-то в далеком (и, может быть, вымышленном) королевстве Гарлан... и даже более неправдоподобными, потому что эти летающие каре-

ты были сделаны человеческими руками.

Женщина, которая приносила ему бутер, расстегнула свой ремень (не прошло и минуты, как она его застегнула), встала и подошла к какой-то маленькой дверце. *Там, наверное, сидит возница*, подумал стрелок, но когда дверь открылась и женщина вошла внутрь, он увидел не одного, а целых трех возниц, управляющих воздушной каретой. И неудивительно: Роланд мельком успел разглядеть миллион рычажков, циферблатов и мигающих лампочек – одному человеку здесь явно не справиться.

Узник смотрел, но ничего не видел. Корт для начала высмеял бы его, а потом размазал бы по ближайшей стенке. Сознание Узника было полностью занято извлечением сумки из-под сиденья и куртки из ящика наверху... и предстоящим ритуалом, испытанием, видимо, не из легких.

Узник не видел ничего; стрелок видел все.

Женщина приняла его за сумасшедшего или вора. Он – или, может быть, я, да, вполне вероятно, что я, – сделал что-то такое, что навело ее на такую мысль. Потом она переменяла мнение, но та, вторая, женщина что-то сказала ей, и у нее снова возникли подозрения... только на этот раз, кажется, вполне определенные. Теперь они знают, в чем дело. Они знают, что он собирается осквернить ритуал.

А потом он замер как громом пораженный. До него вдруг дошла вся сложность ситуации. Во-первых, он не сможет перенести к себе на берег пакеты с зельем так же просто, как перенес монетку: монета не была приклеена к телу Узника клейкой лентой, которую он намотал слоями, чтобы прижать пакеты плотнее к телу. Эта клейкая лента – лишь часть проблемы. Узник не заметил исчезновения одной монетки из кармана, где их было много, но если он обнаружит, что это зелье, ради которого он рисковал жизнью, вдруг куда-то пропало, он наверняка выкинет какой-нибудь фортель... и что тогда?

Вполне вероятно, что Узник, распсиховавшись, такое наворотит, что его сцапают и отправят в темницу еще раньше, чем он осквернит ритуал. Так что нельзя просто забрать это зелье и все: если пакетики вдруг испарятся у него из-под мышек, он, вероятно, решит, что и *в самом деле* сошел с ума.

Воздушная карета, неуклюжая, точно буйвол, здесь, на земле, тяжело поворачивала налево. Стрелок понял: времени на дальнейшие размышления нет. Сейчас ему нужно не просто *перешагнуть* «порог», но еще и войти в контакт с Эдди Дином.

Немедленно.

Эдди сунул свой паспорт и таможенную декларацию в нагрудный карман. Стальной провод продолжал медленно обматывать его внутренности, вкручиваясь все глубже и глубже. Нервы буквально звенели от напряжения. И вдруг у него в голове раздался голос.

Не мысль, а голос.

Слушай меня, приятель. Слушай очень внимательно. И если не хочешь куда-нибудь загреметь, постарайся, чтоб у тебя на лице не отразилось ничего такого, что могло бы вызвать дальнейшие подозрения у этих женщин в форме. Видит Бог, у них подозрений и так достаточно.

Сперва Эдди подумал, что он забыл снять наушники и принимает теперь какие-то странные передачи из кабины пилота. Но ведь стюардессы собрали наушники уже минут пять назад.

Потом он подумал, что кто-то стоит рядом с ним и с кем-то болтает. Он едва было не повернул голову влево, но сообразил, что это просто нелепо. Нравится ему или нет, но голос звучал у него в голове.

Может быть, он принимает какие-то передачи – на КВ, или УКВ, или ДВ – через пломбы в зубах. Он что-

то такое слышал...

Выпрямись, идиотина! У них и так достаточно подозрений, а у тебя сейчас такой вид, словно ты чокнутый!

Эдди быстро выпрямился, как будто ему поддали. Голос не Генри, хотя очень сильно похож на голос Генри в детстве, когда они вместе росли в трущобах Нью-Йорка. Генри на восемь лет старше, а сестренка, средняя между ними, теперь стала лишь призраком в памяти: Селину сбила машина, когда Эдди было два года, а Генри – десять. Таким резким приказным тоном Генри всегда обращался к нему, когда Эдди делал что-то такое, что могло завершиться печальным уходом Эдди из этого мира задолго до срока... как случилось с Селиной.

Что еще за мура?

Это не призрачные голоса, – вновь раздался в его голове все тот же голос. Нет, он принадлежал не Генри... этот был старше, суше... сильнее. Но все же очень похож на голос Генри... и ему невозможно не верить. – Это во-первых. Ты не сходишь с ума. Я действительно другой человек.

Это что – телепатия?

Эдди смутно осознавал, что его лицо лишилось всякого выражения. При других обстоятельствах за такую мордашку ему бы точно присвоили «Оскара» в

номинации «Лучший актер года». Он поглядел в окно – самолет приближался к отделению компании «Дельта» в здании прибытия Международного аэропорта Кеннеди.

Я не знаю этого слова. Но я знаю, что эти женщины в армейской форме в курсе, что ты везешь...

Потом повисла пауза. Чувство – странное, не передать словами – как будто призрачные пальцы перебирают его мозг, словно он, Эдди, стал вдруг живой картотекой.

...героин или кокаин. Я точно не знаю, что именно... хотя, наверное, кокаин, потому что ты сам его не принимаешь, а везешь, чтобы купить потом тот, который нужен тебе.

– Что еще за женщины в армейской форме? – пробормотал Эдди вполголоса, совершенно не сознавая того, что он говорит вслух. – Ты о чем, черт возьми...

Чувство, как будто его опять ударили... такое реальное, что в голове зазвенело.

Заткни пасть, говнюк!

Хорошо, хорошо! Боже мой!

Снова странное ощущение перебирающих пальцев.

Стюардессы в форме, – повторил чужой голос. – Ты меня понимаешь? У меня нет времени разжевывать каждую мысль, Узник!

– Как ты... – начал было Эдди, но тут же заткнулся и задал вопрос мысленно: *Как ты меня назвал?*

Не важно. Просто слушай меня. У нас очень мало времени. Они знают. Стюардессы знают, что ты везешь этот кокаин.

Откуда бы? Просто смешно!

Я не имею понятия, откуда они узнали, но это сейчас не важно. Одна из них рассказала возницам. А возницы расскажут жрецам, которые совершают эту церемонию «прохождения таможи»...

Голос у него в голове говорил на архаичном языке, употребляя слова совсем невпопад, так что звучало это даже забавно... но смысл сказанного был абсолютно ясен. Хотя лицо Эдди оставалось непроницаемым, он до боли сжал зубы и издал звук, похожий больше всего на шипение.

Голос говорил, что игра закончена. Он еще даже не вышел из самолета, а игра уже закончена.

Но на самом деле всего этого нет. Такого просто не может быть. Это в последние минуты его разум поддался приступу паранойи – вот и все. Главное – не обращать внимания. Не замечать, и наваждение пройдет...

Нет, ты заметишь, еще как заметишь, иначе ты загремишь в темницу, а я умру! – проревел голос.

Кто ты, во имя всего святого? – испуганно и

неохотно спросил Эдди, и у него в голове кто-то (или, может быть, что-то) глубоко, с облегчением вздохнул.

10

Он поверил, подумал стрелок. Благодарение всем богам, ныне и присно и во веки веков, он поверил!

11

Самолет остановился. Надпись ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ погасла. Подали трап, который с мягким стуком коснулся переднего выхода. Они прибыли.

12

Есть место, куда ты можешь все это спрятать на то время, пока будешь «проходить таможеню», – сказал ему голос. – Надежное место. А когда ты пройдешь ритуал, получишь свои пакеты обратно и отнесешь их тому человеку, Балазару.

Люди уже поднимались с мест, доставали свои вещи из верхних ящичков и пытались куда-то пристроить плащи, поскольку на улице, согласно объявлению второго пилота, было слишком тепло.

Возьми свою сумку и куртку. Иди опять в это от-

хожее место.

Отхожее...

О... Туалет. Впереди.

Если они так уверены, что у меня что-то есть, они решат, что я пытаюсь отделаться от товара.

Но Эдди уже понял, что это вряд ли имеет значение. Никто не станет ломиться в дверь, чтобы не напугать пассажиров. К тому же всем ясно, что нельзя так просто спустить в унитаз самолета два фунта чистого кокаина, не оставив никаких следов. Но это не важно, если голос действительно говорит правду... что есть какое-то надежное место. *Вот только как это может быть?*

Не важно, черт тебя побери! ШЕВЕЛИСЬ!

Эдди встал. Он наконец-то врубился. Он, конечно, не видел всего того, что видел Роланд с его многолетним опытом, подкрепленным долгими мучительными тренировками, но он увидел лица стюардесс – их настоящие лица, те, что скрывались за натянутыми улыбками и чрезмерной предупредительностью: сейчас они выгружали коробки и сумки пассажиров из шкафа в передней части самолета. И еще он увидел, как они украдкой поглядывают на него.

Эдди взял сумку. Взял куртку. Люк уже открыли: пассажиры двинулись по проходу. Дверь в кабину пилота тоже распахнулась, там сидел капитан, тоже улыба-

ясь... и тоже поглядывая на пассажиров первого класса, которые все еще собирали вещи: выискивал Эдди – нет, не выискивал даже, а *брал на мушку*, – потом опять отводил глаза, кивал кому-то, ерошил напарнику волосы.

Эдди остыл. Не в том смысле, какой вкладывал в это слово Генри, а на самом деле остыл, то есть успокоился. Сам по себе, вовсе не из-за голоса в голове. Хладнокровие – иногда это то, что надо. Только нужно держаться настороже, чтобы совсем уж не заледенеть.

Эдди пошел вперед, уже повернулся налево, к трапу... и вдруг закрыл рот рукой.

– Что-то мне нехорошо, – выдавил он. – Извините.

Он прикрыл дверь в кабину пилота, слегка заблокировав проход в салон первого класса, и отворил дверь в туалет справа.

– Боюсь, придется вам выйти из самолета, – резко проговорил пилот, когда Эдди открыл дверь в туалет. – Это...

– Меня, кажется, сейчас вырвет. Мне не хотелось бы, чтобы попало на ваши ботинки, – ответил Эдди, – или же на мои.

Через секунду он уже был в туалете и запирал за собой дверь. Капитан что-то сказал. Эдди не расслышал, что именно, да и какое это имеет значение. Са-

мое главное: он говорил, а не орал. Эдди был прав: никто не станет орать, когда в салоне толпятся сотни две с половиной пассажиров, ожидающих своей очереди на выход у единственной двери. Он внутри. Именно в безопасности... ну и какой ему с этого прок?

Не знаю, кто ты, но если ты здесь, подумал Эдди, ты бы лучше что-то делал. И побыстрее.

Какой-то ужасный миг ничего не происходило. Всего лишь миг, но в сознании Эдди Дина он растянулся на целую вечность, как те турецкие тянучки, которые Генри покупал ему каждое лето, когда они были еще детьми: если он вел себя плохо, Генри дубасил его нещадно, если вел хорошо, Генри ему покупал турецкие тянучки. Таким образом Генри справлялся со своими обязанностями старшего брата во время летних каникул.

Боже мой, мне все это почудилось, Господи Иисусе, каким же надо быть чокнутым...

Приготовься, – приказал строгий голос. – Я один не смогу, нам надо действовать вместе. Я могу ПЕРЕШАГНУТЬ «ПОРОГ», но я не сумею сделать так, чтобы ты один ПЕРЕСТУПИЛ ЧЕРТУ. Нам надо совершить это вместе. Обернись.

До Эдди внезапно дошло, что он видит двумя парами глаз, реагирует нервами двух тел (только нервы другого тела были частично утрачены; на месте

некоторых, исчезнувших совсем недавно, пульсировала боль), чувствует десятью чувствами, думает двумя головами, кровь его перекачивают два сердца.

Он обернулся: в стене туалета была дыра размером с дверной проем. Сквозь эту «дверь» он увидел серый песчаный пляж и волны цвета старых спортивных носков, разбивающиеся о берег.

Он услышал плеск волн.

Почувствовал в воздухе вкус соли, такой же горький, как вкус слез.

Проходи.

Кто-то уже стучал в дверь туалета и говорил ему, чтобы он вышел немедленно и покинул самолет.

Проходи, черт возьми!

Эдди со стоном шагнул к двери... запнулся... и упал в другой мир.

13

Он медленно поднялся на ноги, чувствуя, что порезал правую ладонь о ракушку в песке. Он тупо уставился на кровь, что струилась по линии жизни, а потом вдруг увидел, что справа от него поднимается на ноги еще один человек.

Эдди отшатнулся, его ощущение полной дезориентации и какой-то непостижимой путаницы сменилось

внезапно неподдельным ужасом: человек этот мертв и не знает об этом. Лицо изможденное. Кожа натянута на костях лица, как полоски ткани на углах какого-нибудь металлического предмета, причем так туго, что материя вот-вот порвется. Кожа была синюшного цвета, если не считать лихорадочных красных пятен на каждой скуле, по обеим сторонам шеи под нижней челюстью и круглой отметины между глаз, как у ребенка, который пытается изобразить у себя на лбу индийский знак касты.

А глаза его – голубые, спокойные, мудрые – были исполнены жизни, какой-то жуткой и цепкой живучести. Одет он был в темное одеяние из какой-то домотканой материи. Черная рубашка с закатанными рукавами так выцвела, что стала серой. Штаны очень напоминали джинсы. На бедрах – перекрестные ремни с патронташами, вот только патронов почти не осталось. В двух кобурах – по револьверу. Похоже на 45-й калибр, но по виду очень уж древние. Гладкое дерево рукояток, казалось, светится своим внутренним светом.

Эдди, которому общаться совсем не хотелось – да и не знал он, с чего начать, – услышал собственный голос, произносящий:

– Ты что, призрак?

– Пока еще нет, – прохрипел человек с револьвера-

ми. – Бес-трава. Кокаин. Как ты там его называешь. Снимай рубаху.

– Твои руки... – Эдди только теперь увидел. Руки человека, чем-то напоминавшего сумасброда-ковбоя из дешевого вестерна, были покрыты зловещими ярко-красными полосами. Эдди знал, что это значит. Заражение крови. Это значит, что дьявол не просто дышит тебе в задницу, а уже пробирается по каналам, что ведут к твоему насосу.

– Забудь мои руки! – прошипел бледный призрак. – *Снимай рубаху и отдирай эту штуку!*

Он слышал плеск волн и одинокое завывание ветра, который не встречал никаких преград. Он видел этого тронутого умирающего человека в безысходном отчаянии. И все-таки у себя за спиной он слышал гул голосов пассажиров, выходящих из самолета, и настойчивый стук в дверь.

– Мистер Дин! – *Этот голос*, подумал он, *сейчас доносится из другого мира*. Он не то чтобы еще сомневался, просто пытался вбить все эти странности в свою бедную голову точно так же, как, скажем, вбиваешь гвоздь в толстый брус красного дерева. – Вам давно уже надо было бы...

– Можешь оставить все это здесь, а потом забережь, – прохрипел стрелок. – Боги всевышние, до тебя не дошло еще, что здесь мне приходится говорить?

А это больно! *К тому же у нас нет времени, идиот!*

Кого другого Эдди бы просто убил за такие слова... но он хорошо понимал, что ему будет весьма затруднительно убить этого человека, хотя, судя по его виду, быстрая смерть пошла бы ему только на пользу.

И все же он чувствовал, что эти голубые глаза не лгут; все сомнения сгорали в их безумном огне.

Эдди принялся расстегивать рубашку. Сперва он хотел просто ее разорвать, как в том фильме, когда Кларк Кент рвет на себе рубашку, пока Лоис Лейн лежит привязанная к рельсам или к чему там, но что хорошо в кино, в реальной жизни может только навредить: рано или поздно придется еще объяснять, куда делись недостающие пуговицы. Поэтому он аккуратненько их расстегнул. А в дверь все стучали.

Он выдернул рубашку из джинсов, снял ее и швырнул на песок, обнажив полосы клейкой ленты на груди. В таком виде он был похож на человека на последней стадии выздоровления после тяжелого перелома ребер.

Он оглянулся и увидел открытую дверь... низ ее прочертил в сером песке полукруг, когда кто-то – скорее всего умирающий человек – отворял ее. В дверном проеме виднелась туалетная комната при салоне первого класса, раковина, зеркало... и в зеркале – отражение его лица: черная челка падает на лоб, на

глаза. Карие. На заднем плане он разглядел стрелка, морской берег, парящую птицу, взмывавшую над бог его знает чем.

Он провел ладонью по ленте, не зная, с чего начать, как отыскать свободный конец, и его вдруг охватило головокружительное чувство полной безнадежности. Так, наверное, чувствует себя олень или кролик, который дошел уже до середины проселочной дороги, повернул голову, а его тут же ослепил свет фар.

Вильям Вильсон, имя которого обессмертил Эдгар По, заматывал Эдди двадцать минут. Дверь в туалет в самолете откроют минут через пять, максимум – семь.

– Я не успею снять это дерьмо, – сказал он шатающемуся человеку. – Я не знаю, кто ты и где я, но здесь слишком много ленты, а времени слишком мало.

14

Дир, второй пилот, посоветовал капитану Макдоналду прекратить барабанить в дверь, когда тот, разозленный тем, что За ему не отвечает, принялся молотить в нее со всей силы.

– Куда он денется? – резонно заметил Дир. – Что он там делает? Хочет спустить себя в унитаз? Не пролезет.

– Но если он... – начал было Макдоналд.

Дир, который и сам иной раз баловался кокаином, сказал:

– Если он нагружен, то нагружен плотно. Он не сможет избавиться от всего.

– Отключите воду, – спохватился внезапно Макдоналд.

– Уже отключили, – успокоил его штурман (который тоже при случае не отказывался нюхнуть). – Но, по моему, это уже не важно. Растворить порошок в сливном бачке можно, но нельзя сделать так, чтобы он испарился. – Они все столпились у двери в туалет с табличкой ЗАНЯТО, издевательски горящей наверху, и говорили друг с другом, понизив голос. – Ребята из Отдела по борьбе с наркотиками осушат толчок, возьмут пробы, и парень влип.

– Он всегда может сказать, что кто-то там был до него, а он вообще ничего не знает. – Макдоналд был на пределе, даже голос его срывался. Ему не хотелось болтать; ему хотелось действовать, прямо сейчас, несмотря даже на то, что еще не все пассажиры вышли из самолета, причем кое-кто поглядывал на команду и стюардесс, столпившихся у двери туалета, с любопытством и явно не праздным. Но, с другой стороны, всякое неосторожное действие может молниеносно вызвать панику среди пассажиров, которые, пусть и не отдавая себе отчета, всегда в глубине ду-

ши опасаются террористов. Макдоналд понимал, что его штурман и бортинженер правы на сто процентов. Он был уверен, что эта дрянь упакована в пластиковые мешки, на которых останутся отпечатки пальцев, и все же в его сознании выли сирены тревоги. Что-то было не так. Что-то внутри у него продолжало вопить: «*Это трюк! Хитрый трюк!*» – как будто парень из кресла За был каким-нибудь шулером-игроком с тузами, припрятанными в рукаве.

– Он не пытается спустить воду, – заметила Сюзи Дуглас. – Он не пытается даже открыть кран. Мы бы услышали, если бы он это делал. Я что-то слышу, но...

– Лучше уйди отсюда, – резко бросил Макдоналд и покосился на Джейн Дорнинг. – И ты тоже. Мы сами с ним разберемся.

Джейн повернулась, чтобы уйти. Щеки ее пылали. Сюзи спокойно сказала:

– Это Джейн засекла его, а я заметила эти пакеты у него под рубашкой. Я думаю, что нам лучше остаться, капитан Макдоналд. Потом, если желаете, можете подавать рапорт о нарушении субординации. Я только хочу вам напомнить, что мы сейчас препираемся из-за того, что действительно может вызвать большую бучу у них в ОБН.

Их взгляды скрестились, как камень со сталью, высекая искры.

– Я уже раз восемнадцать летала с вами, Мак, – сказала Сюзи. – Я стараюсь быть вашим другом.

Еще мгновение Макдоналд смотрел на нее, а потом кивнул:

– Хорошо, оставайтесь. Я только хочу, чтобы вы обе отошли на один шаг к кабине.

Он приподнялся на цыпочки, оглядел проход: хвост очереди на выход только выполз из туристического в салон бизнес-класса. Еще две минуты, максимум – три.

Потом капитан повернулся к служащему аэропорта, который стоял с той стороны люка и наблюдал за ним. Тот тоже, должно быть, почувствовал что-то неладное: вынул рацию и держал ее наготове.

– Скажи ему, чтобы вызвал сюда таможенников, – тихонько обратился Макдоналд к штурману. – Человека три-четыре. С оружием. Немедленно.

Штурман, улыбаясь во весь рот и рассыпаясь в извинениях, пробрался сквозь очередь пассажиров и что-то тихонько сказал служащему аэропорта. Тот поднес рацию к губам и передал сообщение, понизив голос.

Макдоналд, который в жизни не принимал ничего сильнее аспирина, да и то только изредка, повернулся к Диру. Губы его были плотно сжаты в тонкую белую линию, похожую больше на шрам.

– Как только выйдет последний из пассажиров, мы сразу вскрываем сортир, – сказал он. – Не дожидаясь таможенников. Тебе понятно?

– Вас понял, – ответил Дир и поглядел на хвост очереди, переместившийся в салон первого класса.

15

– Возьми нож, – сказал стрелок. – У меня в сумке.

Он сделал жест рукой, указывая туда, где на песке валялась потрескавшаяся кожаная сумка. Даже не сумка, а большой мешок, какие, в представлении людей нормальных, таскают с собой хиппи, когда гуляют по тропам Аппалачей и торчат от природы (и частенько от косячков с марихуаной). Только этот мешок выглядел очень даже реальным. Сразу видно, что он побывал в долгих, тяжелых и даже отчаянных странствиях.

Указал рукой, но не пальцем. Просто не мог указать пальцем. Теперь Эдди понял, почему правая рука у этого человека замотана грязной тряпицей: на ней не хватало пальцев.

– Возьми нож, – повторил он. – Разрежь ленту. Только смотри не поранься. Это несложно. Будь осторожен, но постарайся все-таки побыстрее. У нас мало времени.

– Да, я знаю. – Эдди опустился на колени в песок. Все это нереально. Вот оно что! Как сказал бы великий мудрец и выдающийся наркоман Генри Дин, *тип-топ, ля-ля, ку-ку, кувырок через башку, жизнь – это фикция, мир – это ложь, так что ты отрывайся, покуда живешь.*

Все это нереально. Просто бредовый, на удивление похожий на жизнь сон. Так что лучше всего припухнуть, и пусть все идет как идет.

Разумеется, это сон. Он уже потянулся к «молнии» – или там, может быть, окажется «липучка» – на «сумке» этого человека, и вдруг с изумлением увидел, что она зашнурована ремешками из сыромятной кожи. Кое-где ремешки были порваны и связаны аккуратными узелками, маленькими, чтобы они проходили сквозь кольцеобразные ушки.

Эдди развязал верхний узел, открыл сумку и нашел нож под сыроватым куском материи, в который были завернуты патроны. Он поглядел на нож, и у него перехватило дыхание. Одна рукоятка чего стоит... чистое серебро, серовато-белое с мягким блеском, украшенное изумительной гравировкой, узор которой притягивал взгляд...

Боль взорвалась в ухе, проревела в мозгу. Перед глазами поплыли клочья красного тумана. Он неуклюже свалился на открытую сумку, тяжело ударился о

песок и поднял глаза на бледного человека в обрезанных сапогах. Это не сон. На умирающем лице горели голубые глаза, и эти глаза не лгали.

– Будешь потом восхищаться, Узник, – сказал стрелок. – Сейчас просто возьми его и разрежь ленту.

Эдди чувствовал, как распухает ухо.

– Почему ты все время так меня называешь?

– Режь ленту, – мрачно проговорил стрелок. – Если они ворвутся в нужник, а тебя там не будет, тогда, есть у меня подозрение, тебе придется пробыть здесь гораздо дольше. Ты даже не представляешь, как долго. А мой хладный труп составит тебе компанию.

Эдди вытащил нож из ножен. Не просто старый: старше, чем старый, старше, чем древний. Металлическое лезвие, отточенное так, что не было видно краев, казалось, вместило в себя вечность.

– Да, на вид оно острое, – сказал Эдди, и голос его дрогнул.

16

Последние пассажиры уже выходили из самолета. Одна из них, женщина лет семидесяти, с видом полного замешательства, характерного только для пожилых людей, которые летят в первый раз и к тому же почти не знают английского, остановилась в проходе,

протягивая свой билет Джейн Дорнинг.

– Как мне вообще найти самолет на Монреаль? – спросила она. – И что будет с моим багажом? Мне пройти таможеню здесь или там?

– У выхода будет стоять служащий аэропорта, он даст вам всю необходимую информацию, мадам, – разъяснила Джейн.

– Да, но я только не понимаю, почему вы не можете дать мне всю нужную информацию? – возмутилась старушка. – Там так много народу.

– Пожалуйста, проходите, мадам, – сказал капитан Макдоналд. – У нас здесь одна небольшая проблема.

– Что ж, простите, что я живу, – обиженно проговорила старушка. – Я, наверное, случайно выпала из ка-тафалка.

С этими словами она прошествовала мимо них, за-драв нос, как собака, почуявшая запах дыма вдали, сжимая в одной руке сумочку, в другой – бумажник с билетами (бумажник так и распирало: судя по количе-ству билетов, эта старушка только и делала, что ле-тала по миру, меняя самолеты в каждом аэропорту).

– Эта дама больше в жизни не сядет на самолет компании «Дельта», – пробормотала Сюзи.

– Меня не гребет, пусть летает как хочет, хоть на загривке у супермена, – сказал Макдоналд. – Она по-следняя?

Джейн протиснулась между ними, заглянула в салон бизнес-класса, потом в главный салон. Никого.

Она вернулась и доложила, что самолет пуст.

Макдоналд повернулся к трапу и увидел, как сквозь толпу пробираются два таможенника в форме, извиняясь на каждом шагу, но даже не глядя на людей, которых они толкали. Последней они пихнули разобитую старую леди, которая уронила свой бумажник. Бумаги рассыпались во все стороны, и она пронзительно завопила, как рассерженная ворона.

– О'кей, – подытожил Макдоналд. – Вы, ребята, вон там и стойте.

– Сэр, мы офицеры Федеральной таможни...

– Замечательно, я просил вас прийти, и я очень рад, что вы явились так быстро. Но пока что постойте там. Это мой самолет, а этот гусь, который засел в туалете, пока еще мой подопечный. Как только он выйдет из самолета на трап, забирайте его себе и запекайте хоть с яблоками. – Он кивнул Диру. – Дадим сукину сыну еще один шанс и ломаем дверь.

– Я не против, – отозвался Дир.

Макдоналд постучал в дверь туалета и заорал:

– Выходите, приятель! Последний раз прошу вас по-хорошему!

Никто не отозвался.

– О'кей, – заключил Макдоналд. – Приступим.

Эдди смутно расслышал старческий голос: «Что ж, простите, что я живу! Я, наверное, выпала из катафалка!»

Он разрезал уже половину ленты. Когда старуха начала вопить, рука его дернулась, и по животу потекла струйка крови.

– Дерьмо, – сказал Эдди.

– Руганью здесь не поможешь, – прохрипел стрелок. – Давай заканчивай. Или при виде крови тебя мутит?

– Только когда кровь моя.

Лента начиналась прямо над животом. Чем выше он резал, тем хуже видел, куда он тычет ножом. Он прошел еще дюйма три, и едва не порезался снова, когда услышал, как Макдоналд сказал таможенникам: «Вы, ребята, вон там и стойте».

– Я не могу больше резать. Я ни черта не вижу. Мне подбородок мешает, мать его, – сказал Эдди. – Я себя точно проткну, если ты мне не поможешь.

Стрелок взял нож в левую руку. Рука дрожала. Наблюдая за трясущимся лезвием, наточенным до самоубийственной остроты, Эдди занервничал.

– Может, я все-таки лучше сам...

– Погоди.

Стрелок уставился на свою левую руку. Эдди не то чтобы совсем уж не верил в телепатию, но и не то чтобы верил в нее. И все же сейчас он почувствовал что-то столь же реальное и осязаемое, как, скажем, жар, идущий от печи. А уже через пару секунд он понял, что это: таинственный незнакомец собирал свою волю в кулак.

Как же он, черт возьми, умирает, если даже я чувствую его силу?

Дрожь в руке потихоньку прекращалась. Вскоре она превратилась в слабенькое подрагивание. А еще через десять секунд рука стала твердой как камень.

– Ну вот. – Стрелок шагнул вперед, поднимая нож, и Эдди почувствовал вдруг, что, кроме силы, от него действительно исходит жар – обжигающее затхлое дыхание лихорадки.

– Ты левша? – спросил Эдди.

– Нет, – ответил стрелок.

– Боже мой. – Эдди решил, что ему лучше закрыть глаза. Так он и сделал и только услышал, как шелестит разрезаемая лента.

– Готово, – сказал стрелок, отступая. – Теперь давай стягивай, сколько сможешь. Я помогу тебе сзади. Вежливый стук в дверь сменился ударами кулака. *Пассажиры все вышли, подумал Эдди. Никакого те-*

бе больше мистера Славный Парень. Вот паскудство.

– Выходите, приятель! Последний раз прошу вас по-хорошему!

– *Дергай!* – прорычал стрелок.

Обеими руками Эдди схватился за края разрезанной ленты и дернул ее изо всей силы. Больно, еще как больно! «Хватит скулить, – сказал он себе. – Могло быть и хуже. Хорошо, что у тебя не такая волосатая грудь, как у Генри».

Он посмотрел на себя и увидел поперек груди красную полосу раздраженной кожи шириной дюймов в семь. Он порезался как раз над солнечным сплетением: кровь сочилась из ранки и алой струйкой стекала к пупку. Пакеты с товаром болтались теперь под мышками, как закрепленные сикось-накось седельные сумки.

– О'кей, – раздался за дверью уборной приглушенный голос. – При...

Эдди пропустил окончание фразы из-за внезапно взрыва боли у него на спине: это стрелок бесцеремонно сорвал остатки ленты.

Эдди закусил губу, чтобы не вскрикнуть.

– Надевай рубаху, – сказал стрелок. Лицо его – Эдди думал, что бледнее у живого человека уже не бывает, – теперь стало серым, как старый пепел. В ле-

вой руке он держал сорванную ленту (она слиплась в спутанный клубок, и пакетики с белой дрянью смотрелись на ней точно два белых кокона). Потом стрелок бросил ее на песок. Эдди заметил свежую кровь, проступившую сквозь грубую повязку на правой руке стрелка. – Быстрее.

Послышался громкий удар. Теперь в дверь не просто стучали с вежливой просьбой освободить помещение. Эдди заглянул в туалет и увидел, что дверь дрожит. Свет внутри замигал. Они пытаются выломать дверь.

Он подхватил рубашку. Пальцы его стали внезапно какими-то слишком большими и неуклюжими. Левый рукав вывернулся наизнанку. Эдди стал выдергивать его обратно, рука на мгновение застряла, потом он дернул изо всей силы, но без толку.

Ба-бах! Дверь в туалет задрожала опять.

– Боги всевышние, ну почему ты такой неуклюжий?! – простонал стрелок, просунув левую руку в рукав рубашки.

Эдди схватил манжету, а стрелок вытащил рукав. Стрелок подал ему рубаху, как дворецкий подает пальто своему хозяину. Эдди влез в рукава и взялся за нижнюю пуговицу.

– погоди, – рявкнул стрелок и оторвал еще полосу от своей разодранной рубашки. – Вытри живот!

Эдди, как мог, вытерся. В том месте, где он порезался, так и сочилась кровь. Да, нож был острый. Еще какой острый!

Он швырнул окровавленную тряпку на песок и застегнул рубашку.

Ба-бах! На этот раз дверь не просто задрожала, ее полотно прогнулось. Глядя с берега, Эдди увидел, как бутылочка с жидким мылом свалилась с подставки возле зеркала и упала прямо на его сумку.

Он уже собирался заправить рубаху (которую, как ни странно, он застегнул на все пуговицы и правильно) в джинсы, но тут его осенило: вместо того чтобы заправить рубашку, он расстегнул ремень.

– На это нет времени! – Стрелок понял, что пытается закричать, но вместо крика вышел хрип. – Дверь больше не выдержит!

– Я знаю, что делаю, – уверил его Эдди, очень надеясь, что это так, и шагнул обратно через порог между двумя мирами, расстегивая на ходу «молнию» и припуская джинсы.

Через мгновение – отчаянное, безнадежное – стрелок шагнул за ним следом. Только что он пребывал в своем теле, исполненном жаркой физической боли, и вот он уже лишь холодное *ка* в сознании Эдди.

– Еще разок, – угрюмо буркнул Макдоналд, и Дир кивнул. Теперь, когда все пассажиры вышли из самолета и спустились с трапа, офицеры таможни вытаскивали оружие.

– *Давай!*

Двое мужчин вышибли плечами дверь. Она распахнулась, мгновение покачалась на петлях и рухнула на пол.

На унитазе восседал мистер За со спущенными штанами. Полы рубашки едва прикрывали его мужские причиндалы. Да, *похоже, что мы поймали его с поличным. За делом, как говорится, устало подумал капитан Макдоналд. Только проблема в том, что дело это, насколько я знаю, не является противозаконным.* Лишь теперь он почувствовал боль в плече, которым бился в дверь – сколько раз? три? четыре?

Но вслух он рявкнул:

– Чем вы, черт возьми, тут занимаетесь, мистер?

– Вообще-то я *сру*, – ответил ему За. – Но если вам всем, мужики, невтерпеж, я, так и быть, подотрусь в аэропорту...

– И ты, умник, не слышал, как мы тут кричали?

– Я не мог дотянуться до двери. – За протянул ру-

ку к двери, чтобы продемонстрировать им, и хотя та стояла теперь у стены слева, Макдоналд понял, что он имеет в виду. – Мне, наверное, нужно было подняться, но я, знаете, был в отчаянном положении. Мне нужно было, как говорится, держать ситуацию в руках. То есть, конечно, не в руках, если вы понимаете, что я хочу сказать. Да и *не хотелось* мне, чтобы в руках. – За, улыбнувшись, подмигнул, и капитан Макдоналд подумал, что эта улыбка кажется такой же идиотской, какой показалась бы банкнота достоинством в девять долларов. Его послушать, так можно подумать, что элементарно наклониться вперед – вещь для него неведомая.

– Вставайте, – сказал Макдоналд.

– Я бы с радостью. Только пусть девушки отвернутся. – За очаровательно улыбнулся. – Я знаю, что в наши дни это уже пережиток, но я ничего не могу поделать. Я от природы скромный. Сказать по правде, у меня такой комплекс. – Он поднял левую руку, раздвинув на полдюйма указательный и большой пальцы, и подмигнул Джейн Дорнинг, которая залилась краской и тут же исчезла за дверью вместе с Сюзи.

Ты, скромняга, выглядишь вовсе не скромным, подумал про себя Макдоналд. *Как кот, объевшийся сливок, вот как ты выглядишь.*

Когда стюардессы исчезли из виду, За поднялся и

надел трусы и джинсы. Он потянулся было к кнопке слива, но капитан Макдоналд быстро отбил его руку, схватил за плечо и развернул к проходу. Дир вцепился ему в ремень, не давая сдвинуться с места.

– Не будем переходить на личности, – сказал Эдди весело и невозмутимо, по крайней мере так ему показалось, но внутри у него все оборвалось. Он чувствовал присутствие того, другого. Явственно чувствовал. Внутри своего разума. Тот наблюдал за ним, сохраняя спокойствие, готовый в любой момент проявить себя, если Эдди сорвется. Боже мой, это все сон. Наяву так не бывает. *Правда?*

– Стой смирно, – сказал Дир.

Капитан Макдоналд нагнулся над унитазом.

– Дерьма не видно, – сообщил он, а когда штурман невольно хохотнул, сурово взглянул на него.

– Ну вы же знаете, как это бывает, – пояснил Эдди. – Бывает приспичит, всего тебя скрутит, а потом выясняется, что тревога ложная. Но кое-что у меня все-таки получилось. Я имею в виду, пару раз я как следует пернул. Если б минуту назад здесь зажгли спичку, то можно бы было запечь индейку к Дню Благодарения. Наверное, я что-то такое съел перед полетом, и...

– Уберите его, – распорядился Макдоналд, и Дир, по-прежнему держа Эдди сзади за джинсы, вытолкнул его на трап в объятия двух офицеров таможни. Те взя-

ли его под руки.

– Эй! – возмутился Эдди. – Отдайте мне сумку! И куртку!

– Да уж, лучше тебе прихватить все манатки, – сказал один из офицеров, дохнув Эдди в лицо кислым запахом маалокса и больного желудка. – Твои манатки нас очень даже интересуют. А теперь пойдём, приятель.

Эдди не прекращал им твердить, что не надо так психовать, что надо с людьми помягче, что он и сам в состоянии идти, но, когда он потом вспоминал об этом, ему показалось, что по дороге от трапа до входа в аэропорт ноги его только три или четыре раза коснулись пола «кишки». У входа их встретили еще трое офицеров таможни и полдюжины полицейских из службы безопасности аэропорта: таможенники дожидались Эдди, фараоны сдерживали небольшую толпу зевак, которые наблюдали с тревожным и жадным любопытством, как его уводят под белые ручки.

Глава 4

Башня

1

Эдди Дин сидел на стуле. Стул стоял в маленькой комнатушке с белыми стенами. Единственный стул в маленькой комнатушке с белыми стенами. В маленькой комнате с белыми стенами было полно народу. В маленькой комнате с белыми стенами было накурено. Эдди сидел в одних трусах. Эдди хотелось курить. Остальные шестеро – нет, семеро – человек в маленькой комнате с белыми стенами были одеты. Они стояли вокруг него плотным кольцом. Трое – нет, четверо – курили.

Эдди хотелось трястись и дрыгаться. Эдди хотелось скакать и прыгать.

Эдди сидел спокойно, расслабившись, с интересом, словно бы забавляясь, рассматривал окружающих его мужчин, как будто его ни капельки не волновало то, что его замели. Его, кажется, не тяготило и замкнутое пространство.

Это все из-за того, *другого*, поселившегося у него в сознании. Поначалу он испугался *другого*. Теперь

возносил благодарственные молитвы за то, что другой сейчас с ним.

Вероятно, *другой* был болен, быть может, даже на грани смерти, но в хребте у него оставалось достаточно стали, чтобы поддержать перепуганного наркомана двадцати одного года от роду.

– Интересные у тебя на груди отметины, – сказал один из таможенников. Из уголка его рта свисала дымящаяся сигарета. В кармане рубашки лежала целая пачка. Эдди казалось, что он сейчас мог бы вынуть из этой пачки пять штук, сунуть все в рот, прикурить, глубоко-глубоко затянуться всеми пятью и прийти в себя. – Красные. Похоже на след от ленты. Видно, там у тебя, Эдди, было что-то примотано, а потом ты вдруг решил, что будет лучше снять это «что-то» и быстренько от него избавиться.

– Я был на Багамах и подхватил там аллергию, – ответил Эдди. – Я вам уже говорил. Мы все это с вами уже обсуждали не раз. Я пытаюсь еще сохранять чувство юмора, но с каждым разом мне это дается труднее.

– *К такой-то матери* твое чувство юмора, – свирепо прорычал другой таможенник, и Эдди узнал этот тон. Он сам говорил таким тоном, прождав на морозе ночью какого-нибудь засранца, который так и не появился. А все потому, что эти люди тоже наркоманы.

Разница только в том, что их наркотики – это ребята вроде его самого или Генри.

– А как насчет этой дырки в пузе? Тебя где пырнули? В расчетной палате Центрального банка? – Третий таможенник указал на то место, где Эдди порезался. Ранка наконец прекратила кровоточить, но затянулась едва-едва: остался багровый пузырек, который мог бы открыться при малейшем давлении.

Эдди ткнул пальцем в красную полосу от ленты.

– Чешется, – сказал он и сказал правду. – Я заснул в самолете... если не верите, спросите у стюардесс...

– А почему ты решил, что мы не верим тебе, Эдди?

– Я не знаю, – отозвался Эдди. – И часто вы ловите крупных контрабандистов с большой партией наркоты, которые дрыхнут перед таможеней? – Он помедлил, давая им время подумать об этом, и выставил руки перед собой. Ногти его были где сломаны, где обкусаны. Он давно обнаружил, что, когда «остываешь», тебя так и тянет грызть ногти. – Я вообще стараюсь не чесаться, но, наверное, пока спал, я себя все-таки расковырял.

– Или пока был в отключке, – заметил кто-то из таможенников. – Может быть, это след от иглы. – Эдди уже уяснил, что эти ребята вообще ничего не просекают. Стоит раз уколиться так близко от солнечного сплетения, которое управляет всей нервной систе-

мой, и больше колотья тебе никогда не придется. Это будет в последний раз.

– Дайте мне передохнуть, – взмолился Эдди. – Ты так близко ко мне наклонялся, чтобы проверить мои зрачки, что я уже, грешным делом, подумал, что ты собрался со мной целоваться. Ты же знаешь, что я не колотся.

Третий таможенник скривился.

– Для невинного ягненочка ты как-то слишком уж много знаешь об этой дряни, Эдди.

– Чего только не почерпнешь из сериалов и телешоу, скажем, «Тиски Майами», а уж про «Ридерз дайджест» я вообще молчу. А теперь давайте начистоту: сколько еще вы собираетесь меня здесь держать?

Четвертый таможенник показал ему маленький пластиковый мешочек с какими-то штуками типа ниток.

– Это волокна. Мы сейчас отправим их в лабораторию на анализ, но и без анализа ясно, что это такое. Волокна от клейкой ленты.

– Выезжая из отеля, я не успел принять душ, – в четвертый раз повторил Эдди. – Я сидел у бассейна, загорал. Пытался избавиться от этой сыпи. *Аллергической* сыпи. Заснул на солнышке. Мне еще повезло, что я успел на самолет. Мчался как проклятый. Был ветер. Откуда я знаю, что там ко мне прилипло.

Еще один из таможенников провел пальцем по коже у Эдди на сгибе локтя.

– А это, стало быть, не от укусов следы?

Эдди отдернул руку.

– Комары кусали. Я уже вам говорил. Уже проходит. Боже правый, вы что, сами не видите?!

Они видели. Сегодня его на этом не поймают. Вот уже месяц, как Эдди не кололся в руку. Генри бы так не сумел, и это одна из причин, почему Эдди заставил себя это сделать. Должен был заставить. Когда ему нужно было уколотся, он кололся в левое бедро изнутри, как можно выше, там, где левое яичко прилегало к коже ноги... как той ночью, когда желтушное существо приволокло ему годный товар. Обычно он просто нюхал, но для Генри этого уже было мало. А Эдди мог себя сдерживать, и это обстоятельство вызывало в нем чувство, которое Эдди не смог бы определить... гордость и стыд пополам. Если они заглянут туда, если они приподнимут мошонку, у него будут серьезные неприятности. А после анализа крови серьезные неприятности могли бы обернуться уже настоящей проблемой, но на это они не пойдут, не имея каких-либо доказательств, а доказательств у них как раз нет. Они знали все, но ничего не могли доказать. В этом и заключается разница между желаемым и возможным, как сказала бы его добрая старая матушка.

– Комары покусали?

– Да.

– А эта красная отметина – тоже аллергия?

– Да. Я подхватил ее на Багамах, только сейчас стало хуже.

– Он подхватил ее по дороге сюда, – сказал один таможенник другому.

– Ага, – отозвался тот. – Ты поверил ему?

– А как же!

– А в Санта-Клауса ты веришь?

– А как же! Однажды в детстве я с ним даже сфотографировался. У меня есть снимок. – Он посмотрел на Эдди. – А у тебя, Эдди, есть фотография этой красной отметины, сделанная до поездки?

Эдди молчал.

– Если ты чист, почему бы тебе не сдать кровь на анализ? – снова вступил первый таможенник с сигаретой в уголке рта. Она догорела почти до фильтра.

Эдди вдруг рассердился. До белого каления. Он прислушался к голосу изнутри.

О'кей, – немедленно отозвался голос, и Эдди почувствовал, что это не просто согласие: это полное одобрение. Точно так же он чувствовал себя, когда Генри его обнимал, ерошил волосы, хлопал его по плечу и говорил: «Молодец, малыш, слишком уж не зазнавайся, но все-таки ты молодец».

– Вы *знаете*, что я чист. – Эдди внезапно поднялся со стула. Они даже попятились от неожиданности. Он поглядел на ближайшего курильщика. – Знаешь, что, лапочка, я тебе скажу. Если ты сейчас же не уберешь от моего лица этот гвоздь в твой гроб, я его просто *выбью*.

Таможенник отшатнулся.

– Вы, парни, уже перерыли весь унитаз в самолете. Господи, за это время вы бы успели три раза его перерыть. Вы копались в моих вещах. Я нагибался, и один из вас ковырял пальцем мне в заднице. Если проверка простаты – это своего рода обследование, то вы мне устроили в заднице целую охотничью экспедицию. Это вам, мать твою, не сафари. Я боялся глаза опустить, я думал, палец этого парня торчит у меня из петуха.

Он оглядел их всех.

– Вы ковырялись в моей заднице, вы перерыли все мои вещи, а я тут сижу в одних трусах, и вы, ребята, пускаете дым мне в лицо. Хотите анализ крови? Ладно. Зовите врача.

Они что-то забормотали, переглянулись. Удивленные. Обеспокоенные.

– Но если вы собираетесь проводить этот анализ без распоряжения суда, – продолжал Эдди, – пусть тогда врач захватит побольше иголочек и пробирочек,

потому что я не собираюсь кочевряжиться здесь один. Пусть сначала придет судебный исполнитель, и вы все, ребята, тоже сдадите этот чертов анализ, и чтобы на каждой пробирочке было написано, как вас зовут и номера ваших удостоверений, и чтобы потом результаты отправили в федеральную прокуратуру. И на что вы там собираетесь меня проверять – кокаин, героин, амфетамин, марихуану, да на что угодно, – на то же самое и вы тоже тогда проверьтесь. А результаты анализа передайте, пожалуйста, моему адвокату.

– Нет, вы только послушайте, МОЕМУ АДВОКАТУ! – воскликнул один из таможенников. – Этим все всегда и кончается, правда, Эдди, когда имеешь дело с такими, как ты, засранцами? Я тебе покажу МОЕГО АДВОКАТА. Получишь ты у меня МОЕГО АДВОКАТА. Меня *тошнит* уже от таких заявлений!

– Кстати, у меня еще нет своего адвоката, – сказал Эдди и опять сказал правду. – Я и не думал, что мне понадобится адвокат. Но из-за вас, ребята, мое мнение изменилось. Вы ничего не нашли, потому что у меня ничего нет, но рок-н-ролл, если я правильно понял, еще продолжается. Хотите, чтобы я вам сплясал? Замечательно. Я спляшу. Но не один. Вам, парни, тоже придется подрыгаться.

На мгновение воцарилась глухая, напряженная тишина.

– Пожалуйста, мистер Дин, снимите еще раз трусы, – сказал вдруг таможенник, который доселе молчал. Этот был постарше. И, судя по виду, он тут за главного. Эдди даже подумал, что, может быть – только может быть, – этот парень все-таки сообразил, где искать свежие следы от уколов. Там они еще не смотрели. Руки, плечи, ноги... но там – пока нет. Они были слишком уверены в том, что он у них на крючке.

– Я только и делаю, что снимаю трусы, надеваю трусы, я уже сыт этим дерьмом по горло, – сказал ему Эдди. – Или зовите сюда врача и будем делать анализ, или я ухожу. Что предпочтительнее?

Опять молчание. И когда они снова начали переглядываться, Эдди понял, что выиграл.

Мы выиграли, поправился он про себя. *Как тебя звать, дружище?*

Роланд. А ты – Эдди. Эдди Дин.

Внимательно слушаешь.

Слушаю и смотрю.

– Отдайте ему одежду, – с отвращением в голосе распорядился старший и поглядел на Эдди. – Я не знаю, что там у тебя было и как ты сумел это скинуть, но я тебя предупреждаю: мы это выясним.

Старый пень оглядел его с головы до ног.

– Вот ты сидишь тут и лыбишься. Такой довольный. Мне все равно, что ты тут наговорил. Но от тебя меня

определенно тошнит.

– *Вас от меня тошнит?*

– Положительно.

– Бог ты мой, – сказал Эдди. – Мне это нравится.

Я сижу в этой чертовой комнатухе в одних трусах, а надо мной стоят семеро лбов с пистолетами, и вас от меня тошнит? Дружище, у вас явно с чем-то проблемы.

Эдди шагнул к нему. Таможенник секунду стоял на месте, но потом что-то у Эдди в глазах – какой-то безумный цвет, наполовину карий, наполовину голубой – заставило его отступить на шаг. Против воли.

– *Я НИЧЕГО НЕ ВЕЗУ!* – прорычал Эдди. – *ЗАКАНЧИВАЙТЕ УЖЕ! МНЕ НАДОЕЛО! ОСТАВЬТЕ МЕНЯ В ПОКОЕ!*

Опять тишина. Потом старший обернулся и крикнул кому-то:

– Вы что, не слышали? *Отдайте ему одежду!*

Вот так-то.

2

– Думаете, что за нами хвост? – спросил таксист, и голос его звучал так, словно бы он от души забавлялся.

Эдди повернулся вперед.

– Почему вы это сказали?

– Вы постоянно оглядываетесь назад.

– Да нет, ничего я такого не думал, – сказал Эдди.

И сказал чистую правду. Он сразу увидел хвосты, как только в первый раз обернулся. Хвосты, а не хвост. Ему и не надо было оглядываться, он и так знал, что его пасут. Этим потенциальным пациентам психушки надо было бы очень постараться, чтоб упустить такси с Эдди в этот майский денек: пробок на дороге не было. – Просто я изучаю порядок движения.

– А-а, – понимающе протянул таксист. В определенных кругах такой странный ответ вызвал бы кучу вопросов, но в Нью-Йорке таксисты не задают вопросов: они заявляют, и частенько весьма торжественно и высокопарно. Большинство их заявлений начинается с восклицания «Этот город!», как будто эти слова – начало какой-нибудь религиозной молитвы, открывающей проповедь... каковыми они в большинстве случаев и являются. Вот и этот таксист затянул: – Потому что, если вы думаете, что за нами хвост, так я вам могу сказать, что нет. Я-то знаю. Этот город! Боже мой! Я сам столько раз висел на хвосте. Вы не поверите, сколько людей влетало в мою машину со словами: «Давай-ка за той машиной!» Звучит как в кино, правильно? Правильно. Но, как говорится, кино – это подобие жизни, а жизнь – подобие кино. Такое бывает

на самом деле! А если вдруг нужно избавиться от хвоста, так это гораздо легче, когда ты сам знаешь, как надо следить. Вы...

Эдди отключился от болтовни таксиста, слушая ровно настолько, чтобы в нужных местах кивать. Но уж если на то пошло, кое-что в разглагольствовани-ях таксиста было даже забавным. Хвостов было два: синий седан – Эдди подумал, что он принадлежит таможене, – и фургончик с надписью «ПИЦЦА ДЖИНЕЛЛИ» на борту. Было там и изображение пиццы в виде мордашки улыбающегося во весь рот мальчишки. Мальчишка облизывал губы, а под картинкой шла надпись: «ООООООГО! ЭТО ХОРООООШАЯ ПИЦЦА», только какой-то юный городской художник с баллончиком краски и примитивным чувством юмора зачеркнул жирной чертой слово «пицца» и написал сверху одно неприличное слово на ту же букву.

Джинелли. Эдди знал только одного Джинелли; он держал ресторанчик под названием «Четыре папаша». Бизнес с пиццами был лишь прикрытием, ширмой. Джинелли и Балазар. Неразлучны, как хот-дог и горчица.

Согласно первоначальному плану, на стоянке аэропорта его должен был ждать лимузин с водителем, чтобы ехать прямо к Балазару, в один кабак в центре города. Но, разумеется, первоначальный план не

предусматривал двухчасового сидения в маленькой комнатушке под непрерывным допросом отряда таможенников, пока другой отряд осушал и ворошил содержимое канализационных баков рейса 901 в поисках груза, о существовании которого подозревали все и который не должен был ни раствориться, ни смыться.

Когда он вышел, разумеется, лимузина и в помине не было. У водителя были свои инструкции: если в течение пятнадцати минут после того, как все пассажиры рейса выйдут из здания, «гонец» не появится – быстренько уезжать. Водитель знал что к чему и, конечно, не стал бы пользоваться радиотелефоном в машине, передачу которого можно засечь без труда. Балазар, наверное, уже позвонил своим людям, выяснил, что у Эдди проблемы, и сам приготовился к неприятному разбирательству. Балазар, может, и знал, что Эдди просто так не расколется. Может, он разглядел в Эдди стержень, но это все-таки не отменяло простого факта, что Эдди – наркоман. А на наркомана нельзя положиться, нельзя рассчитывать на его стойкость.

А поэтому не исключена такая возможность, что, как только фургончик с «пиццей» поравняется с такси, из окна его высунется автомат и зад машины превратится в месиво. Впрочем, если бы его продержали

не два часа, а четыре, тогда у него был бы повод для серьезных раздумий, а если бы не четыре, а шесть, тогда бы Эдди уже по-настоящему пригорюнился. Но всего два... уж, наверное, Балазар поверит, что он смог продержаться хотя бы столько. И первым делом он спросит, где товар.

На самом деле Эдди оглядывался на дверь.

Она его зачаровала.

Когда таможенники наполовину вели его, наполовину тащили к зданию аэропорта, он несколько раз оглядывался через плечо, и она была там – невероятно, однако же факт – абсолютно реальная, она как бы плыла в воздухе следом за ним на расстоянии фута три. Он видел неизменные волны, набегающие на берег, бьющиеся о песок; он видел, что там уже вечерело.

Дверь эта была как картинка-загадка со скрытым рисунком: сначала никак невозможно его разглядеть, но когда ты его увидел, ты уже не сумеешь его не заметить, как бы ты ни старался.

Дважды она исчезала, когда стрелок возвращался в свой мир, и это пугало Эдди – тогда Эдди чувствовал себя ребенком, у которого перегорел ночник. В первый раз это случилось во время допроса в таможне.

Мне нужно уйти. – Голос Роланда отчетливо прозвучал сквозь какой-то из вопросов, которыми его за-

сыпали таможенники. – *Только на пару секунд. Не пугайся.*

Зачем? – спросил Эдди. – *Почему тебе нужно уйти?*

– Что такое? – насторожился один из таможенников. – Ты как будто чего-то вдруг испугался? Вид у тебя такой.

Он действительно испугался – и не с виду, а по-настоящему, – но почему, этим кретинам не понять.

Он обернулся через плечо, и таможенники обернулись тоже. Они не увидели ничего, кроме пустой белой стены, покрытой специальными решетчатыми панелями – тоже белого цвета, – чтобы приглушать звук. Эдди увидел дверь, как обычно, на расстоянии трех футов (теперь она была врезана в эту белую стену – путь к отступлению, которого не видел никто из тех, кто его допрашивал). Он увидел еще кое-что: тварей, выползающих из волн. Тварей, похожих на существ из фильма ужасов, в котором все спецэффекты чуть-чуть специальнее, чем вам бы хотелось, и оттого кажутся натуральными. Твари эти напоминали ужасный гибрид креветки, омара и паука. Они издавали какие-то жуткие звуки.

– У тебя что, глюки? – спросил один из таможенников. – У тебя по стене каракатицы скачут, Эдди?

Это было так близко к правде, что Эдди едва сдер-

жал смех. Теперь он понял, почему этому человеку, Роланду, нужно было вернуться туда: разуму Роланда пока что ничто не грозит, но жуткие существа подбираются к его телу, и у Эдди было смутное подозрение, что если Роланд не уберет в скором времени свое тело подальше оттуда, где оно пребывает сейчас, то весьма вероятно, что у него не останется тела, куда он мог бы вернуться.

Внезапно в сознании у него всплыл мотивчик песни Дэвида Ли Рота «Ой-ой-ой, у меня нееееееету тела...», и на этот раз Эдди действительно рассмеялся. Тут уже ничего он поделать не мог.

– Что тут смешного? – спросил тот же таможенник, который интересовался, не чудятся ли ему каракатицы.

– Да вся ситуация – обхохочешься, – отозвался Эдди. – В смысле бредовая, а не веселенькая. Я имею в виду, если бы это был фильм, то скорее – Феллини, нежели Вуди Аллена, если вы понимаете, что я хочу сказать.

С тобой все будет нормально? – спросил Роланд.
Да, отлично. ДСД, дружище.

Не понимаю.

Делай свое дело.

А... Хорошо. Я недолго.

И внезапно этот другой исчез. Просто исчез. Как то-

ленькая струйка дыма, которую может развеять малейшее дуновение ветра. Эдди еще раз оглянулся, но не увидел ничего, кроме белых панелей: ни двери, ни океана, ни жутких чудищ – и почувствовал вдруг, как внутри у него все напряглось. Глюками это быть не могло, об этом и речи нет. Товар испарился, и других доказательств Эдди не требуется. И Роланд... он как-то помог. Эдди стало гораздо спокойнее.

– Хочешь, я повешу туда картинку? – спросил один из таможенников.

– Нет. – Эдди тяжело вздохнул. – Я хочу, чтобы вы меня выпустили отсюда.

– Как только скажешь, куда ты дел героин, – утешил другой таможенник. – Или это был кокаин?

И все началось по новой: ходит она кругами, когда остановится, никто не знает.

Через десять минут – десять *долгих* минут – Роланд опять появился. Внезапно: вот его нет, а вот он есть. Эдди почувствовал, что Роланд очень устал.

Сделал что надо? – спросил он.

Да. Извини, что так долго. – Пауза. – *Мне пришлось ползком.*

Эдди оглянулся. Дверь опять появилась, только теперь вид за ней был немного другим. Значит, так же, как эта дверь движется следом за Эдди здесь, она движется за Роландом там. Эдди невольно поежил-

ся. Как будто он связан теперь с Роландом какой-то жуткой пуповиной. Тело стрелка лежало по-прежнему у порога, но теперь Эдди видел длинную полосу прибоя, где разгуливали чудовища, бормоча и ворча. Каждый раз, когда набегала волна, они замирали и поднимали клешни. Как толпа в старых документальных фильмах, где Гитлер толкает речь и все дружно поднимают руки в старинном приветствии «Зиг хайль!» в таком исступлении, как будто от этого зависит жизнь. А если подумать, то так, наверное, и было. Эдди видел следы на песке – следы муки и невероятных усилий, оставленные стрелком.

Пока Эдди смотрел, одно из страшилищ молниеносно вытянуло клешню и схватило морскую птицу, которая неосторожно пролетела слишком низко над пляжем. Она упала на песок двумя окровавленными кусками. Она еще трепыхалась, когда страшилища в панцирях уже накинулись на нее. Одно белое перышко приподнялось в воздух. Клешня сбила его на песок.

Бог ты мой, оторопело подумал Эдди. Вы посмотрите на этих щелкунчиков!

– Почему ты все время оглядываешься? – полюбопытствовал очередной таможенник.

– Мне время от времени нужно противоядие.

– От чего?

– От твоей рожи.

3

Таксист высадил Эдди у одного здания в Бронксе, сердечно поблагодарил его за доллар сверху и ука- тил. Эдди пару секунд постоял на тротуаре, держа в одной руке сумку, в другой – за петельку куртку, пе- рекинутую через плечо. Здесь они с братом снимали двухкомнатную квартиру. Он оглядел здание – моно- лит в стиле кирпичной коробки. Множество окон де- лали дом похожим на тюрьму. Вид здания подавлял Эдди так же, как Роланда – *другого* — восхищал.

Никогда, даже в детстве, я не видел такого вы- сокого дома, – сказал ему Роланд. *– А здесь их так много!*

Угу, – согласился Эдди. *– Мы живем как в муравей- нике. Возможно, тебе это нравится, но скажу те- бе, Роланд, все это быстро ветшает. Очень быст- ро ветшает.*

Синий седан проскочил мимо. Фургончик с пиццей развернулся и подъехал. Эдди напрягся, и Роланд на- прягся тоже. Быть может, они все-таки намереваются с ним разделаться.

Дверь? – спросил Роланд. *– Может, пройдем? Хо- чешь?*

Эдди почувствовал, что Роланд готов ко всему, хотя

голос его был спокоен.

Не сейчас, – сказал Эдди. – Может, они хотят просто поговорить. Но будь готов.

Он тут же почувствовал, что это предупреждение было излишним: даже погруженный в самый глубокий сон, Роланд будет сохранять бдительность и готовность действовать так, как самому Эдди не дано и в момент наивысшей активности.

Фургончик с улыбающейся рожицей на борту подкатил еще ближе. Окно с пассажирской стороны опустилось. Эдди замер в ожидании у входа в свой дом. Длинная его тень замерла тоже. Он ждал, что покажется из окна: лицо или ствол.

4

Второй раз Роланд оставил его минут через пять после того, как таможенники наконец сдались и отпустили Эдди.

Стрелок поел, но мало. Ему нужна была вода, но больше всего он нуждался в лекарстве. Пока что Эдди не мог помочь ему с лекарством, которое ему действительно необходимо (хотя Эдди подозревал, что Роланд прав и Балазар может помочь ему... если захочет), но даже простой аспирин сбил бы жар, который Эдди почувствовал, когда стрелок подошел к

нему, чтобы разрезать ленту. Он остановился перед аптечным киоском в здании аэропорта.

У вас там есть аспирин, в твоём мире?

Ни разу не слышал. Это врачебное средство или волшебное?

И то и другое, я думаю.

Эдди взял упаковку анацина экстрасильного действия, потом зашел в закусочную и купил пару футовых хот-догов и большую бутылку пепси. Машинально полил «цапли» (так Генри всегда называл хот-доги длиной в фут) горчицей и кетчупом и только потом вдруг вспомнил, что это не для него. Откуда он знает: может быть, Роланд не любит горчицу и кетчуп. Может быть, Роланд вегетарианец. Может быть, от такой пищи он вообще дух испустит.

Ладно, теперь уже поздно, рассудил Эдди. Когда Роланд говорил, когда Роланд действовал, Эдди знал, что все это происходит на самом деле. Когда Роланд молчал и никак себя не проявлял, у Эдди опять возникало свербящее чувство, что все это – сон: исключительно достоверный сон, который снится ему на борту самолета, направляющегося в аэропорт Кеннеди, рейс «Дельта»-901.

Роланд говорил, что может переносить еду из этого мира в свой. Он однажды уже это сделал, когда Эдди спал. Эдди верилось с трудом, но Роланд утверждал,

что все это – чистая правда.

Так, ладненько. Только нам распускаться нельзя, – сказал Эдди. – *Ко мне приставили двух таможенников. Вон они, глаз с меня не сводят. С нас. С того, черт возьми, кем я стал с твоей помощью.*

Я знаю, что нам нельзя распускаться, – ответил Роланд. – *Только их не двое, а пятеро.*

Внезапно Эдди испытал странное чувство. Ничего подобного с ним в жизни не было. Он не двигал глазами, но они *двигались*. Ими двигал Роланд.

Парень в тесной майке. Говорит по телефону.

Женщина на скамейке. Роемся в сумочке.

Молодой чернокожий парень. Настоящий красавец, если б не заячья губа, которую не исправило до конца и хирургическое вмешательство. Разглядывает футболки в магазинчике, откуда только что вышел Эдди.

С первого взгляда – вполне безобидные люди, но Эдди все-таки распознал их, как эти скрытые картинки в рисунке-загадке: раз их увидев, ты уже их не пропустишь. Эдди почувствовал, что у него горят щеки. Потому что это *другой* указал ему на то, что он должен был заметить сам. Он засек только двоих. Эти трое замаскировались получше, но все-таки ненамного. Глаза парня у телефона были не пустыми, как это бывает, когда представляешь себе того, с кем ты говоришь. Они были внимательными, всматривающимися-

ся... и постоянно косились в ту сторону, где стоял сейчас Эдди. Женщина на скамейке никак не могла найти то, что искала, но вместо того, чтобы бросить это бесполезное занятие, продолжала рыться в сумке. Бесконечно. А у черного было время просмотреть все имеющиеся в магазине футболки уже раз двенадцать.

И внезапно Эдди почувствовал себя так, как будто ему снова пять лет и он боится перейти улицу без Генри, который должен держать его за руку.

Не волнуйся, – сказал Роланд. – И не волнуйся о пище. Мне случалось глотать и живых жуков. Иногда я даже чувствовал, как они бегают у меня по глотке.

Угу, – отозвался Эдди. – *Но это Нью-Йорк.*

Он взял хот-доги и пепси, перешел на дальний конец стойки и встал спиной к залу. Потом поглядел вверх в левый угол. Выпуклое зеркало формой напоминало чрезмерно удивленный глаз. Он видел всех, кто следил за ним, но они были достаточно далеко и не могли разглядеть хот-доги и пепси. Это хорошо, потому что Эдди не имел ни малейшего представления о том, что должно сейчас произойти.

Положи астин на эти мясные штуки. Потом возьми их в руки.

Аспирин.

Не важно, как оно называется, Узн... Эдди. Просто сделай, говорю.

Он вынул из кармана бумажный пакетик с пузырьком анацина и чуть было не положил его на один из хот-догов, но вовремя сообразил, что Роланду будет трудно достать таблетки из пузырька, не говоря уж о том, чтобы его откупорить.

Эдди открыл пузырек, вытряхнул на салфетку три таблетки, подумал и добавил еще три.

Три сейчас, три потом, – сказал он. – *Если будет это «потом».*

Хорошо. Спасибо.

Что теперь?

Возьми все это в руки.

Эдди поднял глаза к выпуклому зеркалу. Двое таможенников этак небрежно направились к стойке. Может быть, им не понравилось то, что он стоит к ним спиной. Может, почувствовали что-то странное и решили взглянуть поближе. Если что-то должно случиться, лучше, чтобы это случилось побыстрее.

Он взял еду обеими руками, чувствуя тепло сосисок, упрятанных в мягкие белые батоны, и прохладу пепси. В этот момент он был похож на молодого папашу, который тащит съестное своим ребятишкам... а потом еда стала *таять*.

От изумления Эдди вытаращил глаза. Ему показалось, что они сейчас вывалятся из глазниц.

Сосиски просвечивали теперь сквозь батоны, пеп-

си – сквозь пластиковый стакан: темная жидкость с кубиками льда, сохраняющая форму сосуда, которого больше нет.

Потом сквозь сосиски проступил красный прилавок, сквозь пепси – белая стена. Его руки скользнули друг к другу, сопротивление между ними становилось все меньше и меньше... и вот они уже сомкнулись, ладонь к ладони. Еда... салфетки... пепси-кола... шесть таблеток анацина... все, что было у него в руках, исчезло.

Господь Бог выскакивает из табакерки и наяривает на скрипке, подумал Эдди, остолбенев. Потом осторожно поднял глаза к зеркалу.

Дверь исчезла... точно так же, как Роланд исчез из его сознания.

Кушай на здоровье, дружище, подумал Эдди... но был ли этот чужак, который назвал себя Роландом, его другом? Это еще не доказано, верно? Он спас Эдди задницу, это правда, но это еще не значит, что он добрый малый.

И тем не менее Роланд ему нравился... Эдди немножко его опасался, но... Роланд ему нравился.

Может быть, даже со временем он полюбит его, как он любит Генри.

Ешь на здоровье, странный незнакомец, – подумал он. – *Ешь на здоровье, живи... и возвращайся ко мне.*

Рядом на стойке валялось несколько грязных салфеток, оставшихся после предыдущего клиента. Эдди скомкал их и, выходя из кафе, бросил в мусорное ведро у двери, при этом еще пожевав челюстями, как будто прикончил последний кусок. Он умудрился еще и рыгнуть, проходя мимо черного парня в ту сторону, куда указывали надписи «БАГАЖ» и «ВЫХОД».

– Так и не подобрали себе футболку? – спросил он мимоходом.

– Прошу прощения? – Черный парень оторвался от табло с расписанием рейсов «Америкэн эйрлайнз», которое якобы изучал.

– Я думал, может, вы ищете майку с надписью: ПОДАЙТЕ НА ПРОПИТАНИЕ, Я РАБОТАЮ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ США, – бросил Эдди и пошел дальше.

Подходя к лестнице, он заметил, как женщина на скамейке поспешно захлопнула сумочку и поднялась.

Бог ты мой, как на параде в День Благодарения.

День действительно выдался интересный, и Эдди подозревал, что самое интересное еще впереди.

5

Когда Роланд увидел, что омарообразные твари опять выползают из волн (значит, их появление вы-

звано не приливом, а темнотой), он оставил Эдди Дина и вернулся на берег, чтобы переползти в безопасное место, пока эти твари еще не нашли его и не сожрали.

Боль. Он ждал ее и приготовился к ней. Он так давно жил с болью, что она стала почти как друг. Однако его ужаснуло, с какой скоростью нарастает жар и убывают силы. Если прежде он еще не умирал, то теперь уже – наверняка. Есть ли в мире узника такое снадобье, которое может предотвратить скорую смерть? Возможно. Но если он не достанет его в течение шести или восьми часов, то уже можно и не беспокоиться. Если так все пойдет и дальше, его не излечат ни снадобья, ни колдовство. Ни в этом мире, ни в любом другом.

Идти он не может. Придется ползти.

Он уже приготовился к старту, как вдруг его взгляд упал на сплывшийся комок ленты и на мешочки с бес-порошком.

Если оставить их здесь, старообразные твари наверняка разорвут их в клочья. Морской ветер разнесет порошок на все четыре стороны. *Туда ему и дорога*, угрюмо подумал стрелок, но допустить этого он не мог. Когда придет время, у Эдди Дина могут возникнуть большие проблемы, если он не сумеет доставить порошок этому человеку, Балазару. Есть люди, кото-

рых не стоит обманывать. А Балазар, как Роланд его себе представлял, относится именно к этому типу людей. Таких наколоть невозможно. Он захочет увидеть, за что он выкладывает свои денежки, и пока он этого не увидит, на Эдди будет направлено столько стволов, что их хватило бы на вооружение небольшой армии.

Стрелок подтащил к себе комок клейкой ленты с прилепленными к ней пакетами, повесил его на шею и пополз вверх по берегу.

Он прополз ярдов двадцать – вполне достаточно для того, чтобы считать себя в безопасности, но тут его озарила ужасная и все же по-своему смешная мысль. Он отползает все дальше и дальше от двери. Как, интересно, он собирается через нее проходить, если она теперь далеко позади?

Он обернулся и увидел дверь. Не на песке внизу, а футах в трех у себя за спиной. Мгновение он только тупо смотрел на нее, а потом понял то, что сообразил бы уже давно, если бы не лихорадка и не голоса инквизиторов, которые донимали Эдди своими непрерывными вопросами: *где ты, как ты, почему ты, когда ты* (вопросы эти, казалось, сливались с вопросами тварей, выползающих из волн на берег: *Дад-а-чок? Дуд-а-чум?*). Как в бреду. Хотя это был не бред.

Теперь, куда бы я ни пошел, дверь будет тащить-

ся за мной, подумал он. Так же, как и за ним. Теперь она будет все время с нами как проклятие, от которого ты никогда не избавишься.

Все это было настолько истинным, что не вызывало ни малейших сомнений... как и еще одна вещь.

Если дверь между ними захлопнется, она захлопнется навсегда.

Когда это случится, мрачно подумал стрелок, он должен будет остаться со мной. На этой стороне.

«Ты, стрелок, прямо-таки образец добродетели! – рассмеялся человек в черном. Похоже, он навсегда поселился в сознании Роланда. – Ты убил мальчика; это было жертвоприношение, которое помогло тебе настичь меня и, как мне кажется, получить эту дверь между мирами. Теперь ты намерен извлечь свою тройку, одного за другим, обрекая их всех на то, чего бы ты никогда не хотел для себя: жить в чужом мире, где они могут погибнуть, как звери из зоопарка, выпущенные в дикий лес».

Башня, в исступлении подумал Роланд. Как только я доберусь до Башни и сделаю то, что я должен сделать... великий акт восстановления или же искупления, который мне предназначено совершить... тогда, возможно, они...

Но пронзительный смех человека в черном, человека, который умер, но продолжал жить в воспален-

ном сознании стрелка, не дал ему закончить мысль.

Однако даже мысль о предательстве, которое он замыслил, не смогла бы заставить его свернуть с избранного пути.

Он прополз еще ярдов десять, оглянулся и увидел, что даже самое крупное из омарообразных чудовищ не решается отползти дальше чем за двадцать футов от линии прилива. А он уже преодолел расстояние в три раза большее.

Ну что ж, хорошо.

«Ничего хорошего, – весело отозвался человек в черном. – И ты это знаешь».

Заткнись, подумал стрелок, и, как ни странно, голос действительно умолк.

Роланд засунул мешочки с бес-порошком в расщелину между двумя камнями, накрыл их охапкой вырванной сорной травы, потом отдохнул немного: голова гудела, как котел с кипящей водой, его бросало то в жар, то в холод – и перекатился через дверь в другой мир, в другое тело, оставив на время свое, смертельно зараженное, лежать на земле.

6

Вернувшись к себе во второй раз, он вошел в тело, погруженное в такой глубокий сон, что на мгновение

ему показалось, что тело его находится уже в коматозном состоянии... состоянии, когда все функции организма ослаблены до такой степени, что временами кажется, будто сознание начало угасать.

Этого он и опасался. Он заставил тело свое проснуться, толчками и пинками выгоняя его из темной пещеры, куда оно заползло. Он заставил сердце ускорить ритм, нервы – снова воспринимать боль, которая, опалив кожу, вернула плоть к суровой реальности.

Теперь была ночь, на небе сияли звезды. Эти штуки, похожие на длинные бутеры, которые Эдди купил для него, были как маленькие кусочки тепла посреди ночного холода.

Какие-то они странные. Ему не хотелось их есть, но все же придется. Однако сначала...

Он посмотрел на белые таблетки у себя в руках. Астин, назвал их Эдди. Нет, он назвал их как-то по-другому, но Роланд не мог произнести это слово так, как произнес его Узник. В любом случае это лекарство. Лекарство из другого мира.

Если что-то из твоего мира и может мне повредить, Узник, угрюмо подумал он, то это скорее снадобья, а не бутеры.

И все же придется ему принять эти пилюли. Не те, которые ему действительно необходимы – по крайней

мере так считал Эдди, – но они должны сбить жар.

Три сейчас, три потом. Если будет это «потом».

Он положил три таблетки в рот, потом снял крышку – из какого-то странного белого материала, не бумаги и не стекла, однако немножко похожего и на то и на другое – с бумажного стакана с питьем и запил их.

Первый глоток несказанно его изумил: он мгновение просто лежал, привалившись к камню, в его широко распахнутых спокойных глазах отражался свет звезд, и если бы случилось кому пройти мимо, он бы принял Роланда за труп. А потом он принялся жадно пить, держа стакан обеими руками, почти не чувствуя ужасной тукающей боли в обрубках пальцев, – так поглотило его новое ощущение.

Сладко! Боги всевышние, сладко! Какая сладость! Какая...

Маленький кусочек льда попал не в то горло. Стрелок закашлялся, похлопал себя по груди и выкашлял льдинку. Теперь его мозг пронзила новая боль: серебристая боль, возникающая, когда пьешь что-то очень холодное слишком быстро.

Он лежал неподвижно, тихо, но сердце билось в груди, точно двигатель, вышедший из-под контроля. Свежая энергия влилась в его тело так быстро, что, казалось, сейчас оно взорвется. Роланд оторвал от рубахи еще полоску – скоро от нее ничего не останется.

ся, кроме воротника, – и положил ее на колено. Когда он допьет, он замотает лед в тряпку и приложит его к раненой руке. Он делал все это не думая, мысли его блуждали в иных сферах.

Сладко! – снова и снова выкрикивал он про себя, пытаюсь постичь смысл, таящийся в этом, или убедить себя, что смысл в этом есть, точно так же, как Эдди пытался убедить себя в том, что другой существует, что это не какой-нибудь спазм сознания, когда ты обманываешь сам себя. *Сладко! Сладко! Сладко!*

В этом темном питье сахару было даже больше, чем в кофе Мартена, который этот великий чревоугодник, скрывавшийся за суровой внешностью аскета, пил по утрам и в периоды тяжелых депрессий.

Сахар... белый... порошок...

Взгляд стрелка невольно обратился к мешочкам с зельем, едва заметным под травой, которой он их укрыл, и Роланд даже подумал, уж не одно ли и то же это вещество: то, которое в мешочках, и то, которое у него в питье. Когда Эдди был здесь на берегу, когда они были двумя людьми, он прекрасно понимал стрелка, и Роланд подозревал, что, если он сможет переместиться в мир Эдди физически, в своем теле (а он знал инстинктивно, что это *возможно...* хотя, если дверь захлопнется, когда он будет там, он останется там навсегда, как и Эдди останется здесь на-

всегда, если они поменяются ролями), он тоже будет понимать его язык. Побывав в сознании Эдди, он понял, что в основе своей языки этих двух миров похожи. Похожи, но все-таки это разные языки. У них, например, «сварганить» означает «приготовить что-нибудь поесть». Значит... не исключено, что то снадобье, которое Эдди называет кокаин, в мире стрелка называется *сахар*?

Но, подумав как следует, он решил, что нет. Эдди купил это питье открыто, зная, что за ним наблюдают люди, которые служат жрецам таможни. Потом Роланд вспомнил, что тот заплатил за питье относительно недорого. Даже меньше, чем за бутеры с мясом. Нет, сахар не кокаин. Только Роланд не мог понять, зачем нужен этот кокаин или любое другое запретное зелье в мире, где такое сильное средство, как сахар, настолько доступно и дешево.

Он опять поглядел на мясные бутеры, ощутил первый приступ голода... и осознал с изумлением и смущенной благодарностью, что *чувствует себя лучше*.

Почему? Из-за питья? Или из-за сахара в питье?

Отчасти да, но вряд ли только поэтому. Когда ты устал, сахар может на какое-то время восстановить силы; это он знал еще с детства. Но утолить боль или унять лихорадочный жар в твоём теле, когда заражение превратило его в раскаленную топку... нет, саха-

ром здесь не поможешь! Но именно это с ним и произошло. И все еще происходит.

Дрожь прекратилась. Пот на лбу высыхал. Рыболовные крючки, дравшие ему горло, как будто исчезли. Факт невероятный, но все-таки неоспоримый. Это не воображение, не стремление выдать желаемое за действительное (кстати сказать, стрелок никогда не был способен на такие вольности – для него это было невыносимо, и он даже не знал, что такое бывает). Пальцы руки и ноги, которых не было, по-прежнему исходили болью, но даже и эта боль слегка притупилась.

Роланд запрокинул голову, закрыл глаза и вознес благодарственную молитву Богу.

Богу и Эдди Дину.

«Не совершай ошибки, Роланд, не давай себе привязаться к нему, – поднялся голос из самых глубин сознания: не нервный, чуть-чуть истеричный голос человека в черном и не грубый – Корта. А голос отца – или так стрелку показалось. – Ты же знаешь: все, что он делает для тебя, он делает ради собственных интересов. И эти люди – хоть они и инквизиторы – частично или даже полностью правы в своих подозрениях. Он – сосуд слабый, и задержали его не напрасно. В нем есть сталь, я этого не отрицаю. Но в нем есть и слабость. Он как Хакс, повар. Хакс

отравлял людей неохотно... но от этого крики людей, у которых горели внутренности, не становились тише. И есть еще причина остерегаться...»

Но Роланду не нужен был голос, чтобы знать эту другую причину. Он видел ее в глазах Джейка, когда мальчик начал уже понимать, какова цель стрелка.

«Не совершай ошибки, не давай себе привязаться к нему».

Совет хороший. Не стоит питать добрых чувств к тем, кому ты неизбежно сделаешь плохо, иначе тебе будет плохо тоже.

«Помни о своем долге, Роланд».

– Я никогда о нем не забываю, – прохрипел он, обращаясь к звездам, безжалостно льющим свой свет на землю, и волнам, набегаящим на песок, и омарообразным чудищам, выкрикивающим свои идиотские вопросы. – Этот долг – мое проклятие. А если уж я проклят, зачем отступать?

Он принялся за бутеры, которые Эдди назвал «собаками»⁴.

Роланда не слишком-то привлекала идея есть мясо собаки, и вкус у него по сравнению с танцующей рыбой был как у подметки, но после такого изумительного питья стоит ли привередничать? Нет, не стоит. К тому же он уже слишком далеко зашел, чтобы беспо-

⁴ Хот-дог – дословно: горячая собака (англ.). – Примеч. ред.

коиться о таких мелочах.

Он съел все до последней крошки и вернулся туда, где сейчас находился Эдди: в какой-то волшебной карете, летящей по дороге, залитой металлом, запряженной такими же странными экипажами... дюжины, если не сотни... и все до единого без лошадей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.